

ЮРИЙ МАРТЫНЕНКО

**Сквозь седые
хребты**

Юрий Мартыненко
Сквозь седые хребты

«Издательские решения»

Мартыненко Ю.

Сквозь седые хребты / Ю. Мартыненко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-747793-6

Роман «Сквозь седые хребты» посвящен строительству Забайкальской железной дороги. Поднятая автором тема — первая попытка в отечественной художественной литературе показать беспримерный трудовой подвиг россиян, проложивших с помощью лопаты, кирки и тачки стальную магистраль в, казалось бы, непроходимых условиях сурового края. Действие происходит ровно сто лет назад. В романе участвуют как вымышленные, так и реальные герои. Книга рассчитана на массового читателя.

ISBN 978-5-44-747793-6

© Мартыненко Ю.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	14
3	19
4	27
5	32
6	35
7	40
8	47
9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Сквозь седые хребты

Юрий Мартыненко

*Здесь работала русская мысль,
Было царственным слово и дело.*
Михаил Вишняков.

© Юрий Мартыненко, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Тихая глубина летнего сада. В тенистых аллеях, аккуратных и чистых, посыпанных мелким желтым песком, не шелестит листьями вишня. В глубоком пруду на черной воде покоится бело-лимонный ковер, природой сотканный из кувшинок.

Алеша Покровский сидел на скамеечке у резных ворот сада. На его коленях лежала фуражка с черным бархатным околышем. В петличках новенькой форменной тужурки крест-накрест поблескивали металлические молоточки.

Не более двух дней тому назад молодой человек окончил Институт инженеров путей сообщения. Сегодняшним утром он приехал из города в имение отставного полковника Потемкина Александра Федоровича, дабы повидаться с его дочерью Ириной. По возрасту полковнику еще бы служить на благо Отечества, да по своей боевой молодости имел он серьезное ранение, и потому теперь находился на отдыхе, воспитывая с супругой дочь и младшенького сына Павлушку. Последнее время семья большую часть года жила не в городской квартире, а здесь, в родовом имени под Санкт-Петербургом.

Это июльское утро оказалось для Алеши не совсем удачным. Все семейство с вечера выехало в город к друзьям на торжество по случаю именин. Гувернантка Нинэль сообщила юноше, что полковник обещал вернуться не раньше завтрашнего дня.

– Проходите в гостиную, Алексей Петрович. У нас как раз и самовар поспел, – предложила она гостю.

– Спасибо вам. Но хотелось бы пройтись по саду. После душных городских улиц быть здесь просто чудесно! Какой свежий и бодрящий воздух, – ответил Алеша.

– Да, конечно. Мне иногда так не хочется возвращаться в кварталы, – согласилась Нинэль. – Однако чаю вы должны непременно испить. Я вас угощу только что испеченными крендельками с маком. И прямо сию минуту, потому как за время вашей прогулки самовар остынет. Придется вновь его разогревать.

– Право, трудно с вами не согласиться, – кивнул, смутившись, Алеша и последовал вслед за девушкой на застекленную веранду, где обычно накрывали стол к чаю.

...Наверное, до сих пор Алеша Покровский еще четко не осознал, что стал инженером. Все, чем жил он эти четыре года, осталось позади. За какой-то чертой, отделившей его от прежней, в общем-то, бесшабашной, как и подобает студенческой поре, жизни. Когда один курс учебы следовал за другим, и почему-то думалось, что так будет всегда – лекции, семинары, экзамены, каникулы в родительском доме, что находится в Вятке.

Алеша был единственным ребенком в небогатой, но обеспеченной семье. Отец имел должность в канцелярии губернского ведомства по заготовкам и поставкам древесины для производства мебели. Матушка, прекрасно владея французским, занималась репетиторством, подготавливая гимназистов к поступлению в университет.

Желание выбрать профессию, связанную с железными дорогами, возникло в ранней юности. В газетах все чаще появлялись фотографические снимки диковинных птиц из фанеры – аэропланов. На слуху у всех были имена Можайского и Жуковского. На мостовых родного города трещали двигателями внутреннего сгорания первые автомобили, оставляя после себя непонятный запах сгоревшего топлива. По железной дороге, называемой в народе «чугункой», бегали, разбрасывая вееры искр и дымя черными шлейфами, паровозы. Со временем тяга к железной дороге становилась у мальчика особенной. Аэропланы нередко ломались и падали на землю, о чем в тех же газетах постоянно печатались скорбные сообщения в рубрике про-

исшествий. Автомобили с мудреными двигателями, которые питались огнеопасной смесью, хороши собою лишь на ровных и твердых улицах. Паровозы же, по Алешиному разумению, выигрывали во многом. Во-первых, простотой эксплуатации – были бы вода и уголь с дровами. Во-вторых, поражали воображение перспективой развития, о чем весьма убедительно говорилось в статьях журнала «Наука и жизнь». В какие угодно уголки России можно будет в скором будущем ездить людям и перевозить любые грузы.

Который год в далекой Сибири строилась большая железная дорога. В нынешний выпуск Института путей сообщения многие попросились именно туда. Где-то там, за озером Байкал, предстояло начать службу и инженеру-путейцу Алексею Покровскому. Но об этом он еще не знал, потому что не был уверен, будет ли удовлетворена его просьба, в письменном виде направленная в секретариат факультета...

* * *

В город Алеша вернулся, когда солнце поднялось в палящий зенит, успев накалить жаркими лучами камень серых многоэтажных домов и арок, блестящий, отполированный временем булыжник звонких под колесами конных экипажей мостовых. Проехав несколько кварталов на трамвайной конке, Алеша соскочил на углу Литейного проспекта и быстро зашагал вдоль гранитного парапета канала в сторону Института. Вскоре оказался перед широкими ступенями крыльца высотного здания. Пройдя по длинному коридору, на секунду замер перед входом в актовый зал.

Массивная дубовая дверь тихо отворилась, и Алеша предстал перед аудиторией, наполненной множеством людей. Под высокими сводами белого зала стоял сплошной гул от людских голосов. Постепенно шум начал стихать. С противоположной стороны в зал вошли члены распределительной комиссии. Несколько человек уселись за длинный стол, покрытый плотным зеленым сукном. Председатель, человек с седым бобриком и коротко стриженными висками, стал оглашать список выпускников. Алеша, успев кивками поздороваться с товарищами-однокурсниками, сидел на одном из задних рядов аудитории. Ожидая своей фамилии, он чувствовал, как сильно бьется сердце. Рядом нетерпеливо шептались сокурсники. Когда, наконец, назвали Алешины фамилию, а вместе с ней и тех, кто тоже писал прошение направить на службу за озеро Байкал, он ощутил вдруг странное чувство. Часто так и происходит. Ждет человек желаемой цели и стремится к ней в большой надежде на ее свершение, а как наступит долгожданный радостный миг, большого восторга как бы и нет. Вместо него – опустошенность душевная...

Друзья-товарищи разбежались, ошалевшие, кто куда, на ходу договариваясь о встрече ближе к вечеру.

На берегу скованного гранитом канала Алеша спустился по каменным ступеням к воде. Она мягко плескалась у самых ног ключьями белой пены. Он смотрел на воду, и ему становилось спокойнее. Мысли обретали размеренный ход. И вспомнилось о делах, которые надо завершить в этот день. Алеша потянул за цепочку карманных часов. Без четверти четыре. Хотелось пить. В ближайшем трактире продавали квас. Ледяной и крепкий. Ломит зубы. Торопясь на квартиру хозяйки, у которой снимал комнату, чуть не столкнулся под аркой моста с приятелем по факультету Ферапонтом Стрелецким.

– А-а, здорово, брат! – улыбаясь, Ферапонт обнял Алешу. – Ты чего? Чего не рад, а? – заглянул Покровскому в глаза, продолжая крепко держать за плечи. – Ты что, прослушал мою фамилию? Вместе же едем! За Байкал...

– Вместе?! – встрепенулся Алеша. – Надо же, голова тесовая, действительно, прослушал. Да! А, кажется, ты с нами прошение-то не подавал?

– Ладно, сдаюсь, – поднял вверх руки Ферапонт. – Честно и откровенно хочу признаться, что с подобной просьбой обратился еще раньше всех вас к кому надо.

– К кому?

– К профессору Гукерману. Ты ведь знаешь, он добрейшей души человек. Кое-кто, правда, уже окрестил нас романтиками. Нет, брат, нам тоже хочется посмотреть, чем живут и дышат окраины нашей державы российской. Только не посчитай мои слова столь высокопарными.

Стрелецкий шагал рядом, плечо к плечу, с Алешей. Он громко и возбужденно рассуждал о только что состоявшемся распределении. При этом, беспрестанно замедляя шаг, тербил спутника то за лацкан форменной тужурки, то за рукав. Молодые приятели улыбались друг другу.

– Я просто не стал говорить лишнего ребятам на курсе. Боялся сглазить, что ли, – упорно держался главной темы дружеского разговора Ферапонт. – Но, как видишь, в числе счастливых оказались немногие. Профессор Гукерман в беседе подробно объяснил мне ситуацию вокруг сооружения железной дороги в Сибири. Ты и сам читал об этом в печати. На всей Транссибирской магистрали остался участок, по которому недавно Государственной Думой принято постановление. Со строительством и вводом этого отрезка железной дороги Россия получит сквозной путь до Владивостока. Тихий океан, брат, будет вот он, перед нами! – в душевном радостном порыве Ферапонт выбросил вперед руку с вытянутой ладонью. Кто-то из встречных прохожих испуганно шагнул с тротуара в сторону. Алеше даже пришлось извиниться за товарища.

Два молодых человека в железнодорожной форме двигались широкой улицей, не зная, собственно, куда, пока Алеша вдруг не остановился.

– Извини, друг Феня. Мне пора.

– Куда?

– Ряд неотложных дел. И на квартире у хозяйки побывать, и родителям телеграмму отправить.

– Что ж, до встречи?

– До встречи.

* * *

«Конец 19-го века. Железные дороги России заканчиваются на Урале. К великому сожалению, единственный Сибирский тракт – «колесуха» – не обеспечивает в достаточной полноте транспортных связей страны. Для примера остановимся на отрезке передвижения по тракту от Томска до Иркутска. Общее протяжение его 1568 верст. Дорога сплошь грунтовая. Как зимой, так и летом она находится в самом отвратительном состоянии, несмотря на все заботы администрации. В дождливые дни тракт становится почти непроезжим. Возчик, прошедший из Иркутска в Томск и обратно, делает около 3200 верст и употребляет на это чуть ли не полгода. Одна и та же лошадь, одна и та же повозка совершают такой путь не более одного раза в год.

А дальше, на территории необъятных земель за озером Байкал, где природа вообще представляется смешанной, где вольные степи и равнины чередуются с кряжами, сопками и дикими распадками, сплошь заросших тайгой, дорога Сибирского тракта вообще немыслима, и была она уделом лишь каторжных арестантов, идущих по этапу в Сибирские рудники и тюрьмы».

* * *

«Строительство Великого Сибирского пути было начато в 1891 году одновременно с запада и востока. 19 мая 1891 г. во Владивостоке состоялось торжество по случаю закладки Уссурийской железной дороги. Такого грандиозного замысла, такой громадной трудоемкости работ по его претворению, таких небывалых сроков и темпов сооружения магистрали, пре-

дельной самоотверженности людей мировая практика железнодорожного строительства еще не знала.

Многотысячекилометровый паровой путь своим мощнейшим воздействием настолько быстро и энергично перевернул весь экономический уклад Сибири и Дальнего Востока, что даже самые смелые прогнозы прогрессивного развития этого региона потускнели в сравнении с новыми реалиями».

* * *

«Высочайший рескрипт на имя Его Императорского Величества Государя Наследника Цесаревича и Великого Князя Николая Александровича от 17 марта 1891 года.

Ваше Императорское Высочество.

Повелено ныне приступить к постройке сплошной через всю Сибирь железной дороги, имеющей соединить обильные дары природы сибирских областей с сетью внутренних рельсовых сообщений. Я поручаю Вам объявить таковую волю Мою по вступлению вновь на Русскую землю после обозрения иноземных стран востока. Вместе с этим возлагаю на Вас совершение во Владивостоке закладки разрешенного к сооружению, на счет казны и непосредственным распоряжением правительства Уссурийского участка Великого Сибирского рельсового пути.

Знаменательное участие Ваше в начинании предпринимаемого дела послужит полным свидетельством душевного Моего стремления облегчить отношения Сибири с прочими частями Империи, и тем явить сему краю, близкому Моему сердцу, жившее Мое попечение о мирном его преуспянии

Призываю благословение Господа на предстоящий Вам продолжительный путь по России.

Пребываю искренно Вас любящий Александр».

* * *

«Сообщение Генерального штаба полковника Волошинова в Императорском Русском Географическом Обществе 5-го декабря 1890 года.

Вопрос о Сибирской дороге поднят давно и уже пережил несколько десятилетий. Первый проект железной дороги в Сибири связан с именем графа Муравьева-Амурского и возник почти тотчас после закрепления за Россией громадного края в бассейне реки Амура. С тех пор, то есть с 1857 года, появилось несколько проектов, причем лица, предлагавшие различные направления, имели в виду и различные средства для достижения этих целей. Одни желали построить в Сибири хоть конно-железную дорогу, соединяющую те или другие города, те или другие бассейны. Другие, наоборот, задавались целями более широкими, мысленно проводя непрерывный рельсовый путь через Сибирь и всю Азию для привлечения мирового транзита.

Помимо конечных целей каждый из проектов преследовал попутно и более мелкие частные задачи, причем в большинстве случаев весьма трудно было разобраться, какая цель является главной и какая второстепенной. Проводя железную дорогу, многие, одновременно и с одинаковым усердием, старались достигнуть самых разнообразных и благих результатов, не замечая в то же время, что эти результаты друг другу противоречат и взаимно друг друга исключают. Так, например, желая достигнуть сокращения длины транзитной линии, проводили ее по прямому направлению и при этом по такой горной стране, которая исключала всякую возможность дешевой и скорой эксплуатации, а, следовательно, и развитие транзита. Словом, через всю Сибирь должно и необходимо проложить железную дорогу...»

* * *

Узорчатая входная калитка в ограде усадьбы оказалась незаперта, и Алеша вошел внутрь. На территории старого сада по-прежнему тихо. И это объяснялось, вероятно, тем, что с именин

из города Потемкины вернулись поздно. Алеша знал слабость полковника мчать открытым экипажем в свете полнолуния, а именно такую была минувшая ночь.

Алеша стоял, ожидая, что кто-нибудь его увидит. Наконец из-за стеклянной двери показалось румяное личико гувернантки. Девушку с русским именем Нина в семействе привыкли называть на французский манер с ударением на последний слог – Нинэль. Алеше это нравилось, поскольку дома у матушки в воздухе просто витал дух всего французского. На этот счет она обычно говорила так: «Я не была удостоена чести быть когда-либо во Франции, но эта милейшая страна нашла постоянное место в моем сердце. Не надо стыдиться лучшего, что присутствует в этом мире. Многие бы отдала по велению души за такие слова, произнесенные кем-либо из иностранных современниц в адрес нашей родной России...»

Нинэль улыбнулась и, придерживая дверь за медную инкрустированную ручку, скрылась.

Алеша вздохнул полной грудью. Поправил фуражку. Не удержался, чтобы не глянуть на себя в зашторенное с внутренней стороны стекло двери. И слышался знакомый, чуть звонкий голос. И в тон ему мягкий говорок Нинэль:

– Намедни они приезжали, да вы на именинах были.

– Знаю, право, как неловко вышло. Я не смогла предупредить тебя, Алеша, – скороговоркой обратилась к гостю Ирина, выйдя на крыльцо веранды.

Она поздоровалась и замерла на ступеньке, с любопытством глядя на него. Алеша шагнул навстречу. Девушка коснулась мизинцем его петлички, с восторгом воскликнув:

– Поздравляю! Поздравляю от души с окончанием!

Тот смущенно тронул лакированный козырек фуражки. Стараясь сдержать улыбку, как можно серьезнее произнес, представляясь в новом звании:

– Инженер путей сообщения Покровский Алексей Петрович!

Крепко сжав юношу за руку, Ирина потянула его с крыльца вниз по ступенькам. Почти бегом по затемненной ветвями аллею, мимо густых акаций они добрались до ажурной деревянной беседки в глубине сада. И там, задохнувшись не столько от скорого шага, сколько от такой вот близости, разом опустились на широкую скамью, продолжая крепко держаться за руки. Ирина тихонько зашептала:

– И что же вы будете делать, чем заниматься, инженер Покровский? Теперь, после окончания столь достойного учебного заведения?

– Что делать? – тоже шепотом переспросил тот.

– Стораю от любопытства.

– И только лишь? – Алеша испытывал сильное желание поцеловать девушку, но справился с чувством. – Будем строить железные дороги.

– Какие-какие?

– Же-лез-ные.

– Ой, какая прелесть, – Ирина восторженно хлопнула в ладоши. – Из чистого железа?

– Нет. Железа и дерева.

– Как это?

– Разве, дорогая Ирина Александровна, вы ни разу не ездили из Петербурга в Москву? И не видели нашу местную «чугунку»? – весело подыгрывая, озорно ответил Алеша. – Рельсы, шпалы, рельсы, шпалы.

– Чудный вы наш, господин инженер, – уже серьезно после блеснувшей в глазах лукавинки сказала Ирина.

– Не наш, а мой.

– Наш!

– Мой!

– Наш, Алешенька, наш. Потому что все мы будем ездить по вашим рельсам, шпалам, рельсам. И потому главное сейчас узнать, куда удумала ваша администрация отправить служить сию инженерную головушку?

Алеша молчал, глядя на ее тонкий плетеный пояс с розовой перламутровой пряжкой на длинном сиреновом платье.

– Что такое? – она тронула его за плечо. – Что за грусть? Он не знал, с чего начать разговор. Сказать главное. К чему готовился накануне. Когда, казалось, было ясно и понятно то, что собирался он сказать ей при этой встрече. Ирина не торопила, ожидая услышать лишь одно – далеко ли выпало уезжать Алеше? И в этом ожидании желанного ответа она старалась не выдать своей тревоги. Алеша Покровский был единственным из ее знакомых молодых людей, с кем ей очень нравилось общаться, находясь рядом. Ирина любила и шумные молодые компании. Особенно катание на лодках по водоему. И дивные музыкальные вечера, где непременно можно встретить известную в городских кругах творческую личность, выносившую, например, на суд общественности свежие стихотворные строки. В городе остались подруги, сделавшие солидные партии в личной жизни. Несмотря на юный возраст, они имели полнейший достаток в замужестве, определив, таким образом, свою судьбу и все, что связано с жизнью семейной. Для Ирины Потемкиной все еще предстояло. Она сохраняла присутствие свежей юности, чистоты, и точно такую воспринимала окружающую ее действительность. Еще полуромантическое ее существо оставалось не омраченным огорчениями и бытовыми невзгодами. А если что и случалось, так это для юной девы, как летний дождик. Прошел, и высохло. И снова солнце светит в безоблачном небе.

Сейчас в беседке ей было приятно душевно от близости с Алешей. Они знакомы чуть больше года. И этот срок казался таким большим и значимым и таким ничтожно малым. Большим потому, что им казалось, они знакомы целую вечность. А малым из-за потаенного в этот час ощущения скорой разлуки. А они еще ничего по-настоящему не сказали друг другу. Оставляя это, вероятно, на потом...

– Я уезжаю в Сибирь, – наконец произнес Алеша, щелчком сбросив с колена упавшую с дерева козявку.

– В Сибирь?

– Да. За озеро Байкал.

– О боже. Это, кажется, туда ссылали в прошлом веке бунтовщиков-декабристов?

– Именно туда.

– Я начинаю, кажется, представлять тот край, вспоминая карту государства Российского.

– Ирина, милая, – После слов о своем распределении Алеша успокоился, – там ведь тоже люди живут. И им необходима железная дорога...

Они долго молчали. Нинэль два раза громко окликнула с веранды, приглашая к чаю.

– Позволь спросить, Алешенька, а что делать мне?

– Продолжать учебу и ожидать окончания строительства моей железной дороги в Сибири.

– А потом?

– А потом я вернусь и мы... И мы обвенчаемся, – признался наконец в самом главном Алеша.

Ирина опустила лицо, на котором проступил густой румянец.

– Однако ж, смелый ты человек, Алешенька... Потому и путь твой лежит именно в Сибирь?

Юноша смутился. Горели щеки.

– Верно, чай уж совсем остыл! – спохватилась Ирина, поднявшись со скамьи. Протянула ладошку: – Идем же в дом! На веранде накрыт стол. Гудит, стучаясь в стекло, мохнатый шмель. В расписной фарфор из горячего самовара струйкой бежит чай. Блестящими щипчиками Алеша неловко раскалывал крепкие кусочки сахара. Они норовили выскользнуть и ука-

титься на пол. Ирина пододвинула гостю вазочку с вишневым вареньем, корзинку с румяными крендельками в черных точках маковинок.

– Очень вкусный липовый медок. Угощайтесь, Алексей Петрович, – Нинэль поставила на стол еще вазочку и удалилась за дверь в гостиную.

Алеша глянул на девушку.

– А где же маменька с папенькой? Право, не совсем удобно.

– Очень даже удобно. Ни о чем не беспокойся. Разве мы незнакомы? Давеча мы ездили на именины. Сегодня с утра пораньше опять собрались в гости. И Павлушка увязался. Так что пей, Алешенька, чай спокойно. Постараемся не огорчаться оба. Хорошо? Есть ведь время подумать о многом? Есть?

– Вероятно, – с неопределенностью ответил Алеша.

– По крайней мере, ты еще не в Сибири. Хотя...

* * *

...В Вятке у родителей Алеша Покровский пробыл недолго. Погостил, что называется, недельку, и собрался в далекий и долгий путь. Сложно было на душе отца, когда узнал, что сыну предстоит отправляться в Сибирь. Живя в средней полосе России, немного знали они с матерью о том, что происходит, на востоке страны, отдаленном от центра громадным расстоянием. Что обещал тот неведомый край? Чем грозил обернуться? А перечить сыну смысла не имело. Он совсем уже взрослый. Государев служащий. Но на сердце родительском тревога немалая. После Санкт-Петербурга одно беспокойство. Как там родное дитя? Чем питается? И в каких условиях пребывает? Не хворает и не обижен ли кем из местных басурманов. Места в Сибири, всем известно, каторжные. Со времен императрицы Екатерины преступников туда толпами гонят...

Так что дольше гостить в родительском доме – больше слез материнских и тревог отцовских. Больше печали и себе, и домашним. Да и время катилось и поджимало. Каникулярный отпуск выпускникам Института в этот год сократили. На факультете знали, что часть молодых инженеров транспорта, которые выпустились год-два назад, призвали служить прапорщиками в армию. Еще не остыла держава от русско-японской кампании, а глянь, снова сложности в мире.

* * *

Вернувшись из дома в Петербург, Алеша забежал на квартиру к хозяйке. Милая почтительная дама, рано овдовевшая, однако, не растерявшая оптимизма. Прощаясь с ней, Алеша услышал самые добрые слова напутствия и убедительную просьбу – сообщить о себе с нового места службы – как добрался. Хозяйке искренне нравился скромный и тихий юноша, за все время постою не допустивший каких либо нареканий.

– Кстати, вам конверт, – хозяйка вынула из шкатулки письмо.

У молодого человека радостно забило сердце.

«Алеша, милый! Это можно назвать безумством. Ты, должно быть, не отъехал в прошлый раз и версты, как я поняла всю непростительность своего согласия с тем, что ты уезжаешь столь далеко. Не могу себе простить, что никоим образом не повлияла на степень, увы, твоего личного решения. А сейчас, по прошествии времени, я понимаю, что выбор твой тверд, на что неспособна повлиять моя воля. И все мои желания. Собственно, о чем я веду речь? Поезжай же с Богом.

Помнишь, в тот свой приезд ты чуть было не высказал, как я после догадалась, своего намерения предложить мне руку и сердце? Ты, должно быть, решил, что подобным образом сможешь исправить положение? Что знают о наших внутренних мыслях маменька с папенькой? Чего бы стало достаточно для нашего благословения? И едва ли, только не обижайся, я

давала повод для подобных изъяснений. Только, прошу, не огорчайся сей моими личными раздумьями на этот счет. Не думай ничего худого. Ты добрый и сильный, хороший человек. И сам в этом еще не раз убедишься. И сумеешь поступить, как подскажет разум. Прости за сумбур. Мысли мои совершенно завертелись в непонятном подспудном вихре...

Верно, ты будешь по приезду из Вятки в Петербурге еще? С этой надеждой отправляю письмо по настоящему адресу. Ирина».

Алеша перечитал послание еще и еще.

...Последняя встреча была короткой. Ирина в сиреновом платье. Ее любимый цвет особенно шел к голубым глазам и русской тугой косе. Алеша сидел в глубоком плетеном кресле и неотрывно смотрел на нее. Он старался улыбнуться, подавляя грусть.

За тонкой ширмочкой она примерила шляпку, глянула в зеркало. Тихо попросила:

– Побудем в саду... На нашем месте...

На перильца беседки садились бесшумные бабочки. Влюбленные тесно прижались друг к другу. Родители снова в отъезде. Нинэль убирается в доме. Павлушка с дядькой-смотрителем с утра на рыбалке. Удят карасей.

Терпкий запах переспевшей вишни. Склонились гроздьями темно-бордовые вишенки. Алеша Покровский и Ирина Потемкина сидели вместе, по-прежнему крепко держась за руки. И мир объединился для них в этой платонической близости. И расширились горизонты их теперешнего бытия. И оба, конечно, не знали, что сейчас расстанутся не только друг с другом, но и с юностью...

2

«В начале 20-го века гигантские районы Западной и Восточной Сибири, Дальнего Востока оставались в социально-экономическом, политическом и культурном отношении отсталыми окраинами Российской империи, оторванными от ее Европейской части. В более или менее хозяйственный единый механизм Россия превращалась по мере развития транспорта, и в первую очередь, железнодорожного. Во второй половине 19-го века рельсовые магистрали прорезали в разных направлениях Европейскую часть России. В конце 19-го – начале 20-го века, когда потребности развития российского капитализма чрезвычайно обострили проблему освоения новых территорий, назрела необходимость строительства рельсового пути через Сибирь. Транссибирская магистраль была призвана открыть Сибирь для русского капитализма. Ее постройка диктовалась и внешнеполитическими целями царского самодержавия – стремлением укрепиться и экономически, и политически на Дальнем Востоке.

В 1857 году генерал-губернатор Восточной Сибири Н. Н. Муравьев-Амурский поставил вопрос о строительстве железной дороги на сибирских окраинах России. Он поручил военному инженеру Д. Романову провести изыскания и составить проект сооружения железной дороги от Амура до залива Де-Кастри. В 50—70-х годах 19-го века русские специалисты разработали ряд новых проектов строительства железнодорожной магистрали в Сибири, но все они не нашли поддержки у царского правительства, которое лишь в середине 80-х годов 19-го века приступило к решению вопроса о Сибирской железной дороге.

Много вариантов строительства и финансирования дороги выдвинули представители иностранного капитала. В 1857 году американец Коллинс обратился к царскому правительству с предложением построить магистраль от Иркутска до Читы. В 1858 году англичане Моррисон, Горн и Слейг изъявили готовность учредить акционерную компанию для строительства железной дороги от Нижнего Новгорода до Татарского пролива. В 1890 году американский генерал Беттерфильд обратился в Министерство финансов России с предложением образовать комитет для постройки и эксплуатации Сибирской железной дороги на основе гарантии царским правительством в течение восьмидесяти лет доходов от облигаций американской компании и беспошлинного ввоза американских материалов. Правительство России, опасаясь усиления иностранного влияния в Сибири и на Дальнем Востоке, отклонило предложения иностранных капиталистов и их промышленных компаний, решив построить дорогу на средства казны, в чем, прежде всего, были заинтересованы фабриканты и заводчики Юга и Урала.

В 1887 году под руководством инженеров Н. П. Меженинова, О. П. Вяземского и А. И. Урсати были организованы три экспедиции для изыскания трассы Среднесибирской, Забайкальской и Южно-Уссурийской железных дорог, которые к 90-м годам 19-го века в основном завершили свою работу. В начале 1891 года был создан Комитет по сооружению Сибирской железной дороги. Это великое народное дело должно осуществляться русскими людьми и из русских материалов.

Подробные изыскания источников водоснабжения в условиях вечной мерзлоты на Забайкальской и Амурской дорогах выполнили отряды специалистов под руководством инженера Е. К. Кнорре. На трудных участках горной местности, в местах пересечения рек мостами поиски трассы повторялись многократно. Целью поисков было уточнение и улучшение положения линии будущей магистрали. Особое внимание уделяли Кругобайкальскому участку и линии Куэнга-Хабаровск.

По Сибири и в Забайкалье, от Владивостока и до Хабаровска сновали поезда, только в Приамурье: от Сретенска до Хабаровска на расстоянии более 2-х тысяч верст оставались почти дикими таежные просторы «страны сорока тысяч рек». Проблема железнодорожного

строительства в Приамурье надолго выпала из ряда первостепенных задач государственной важности. И тому были причины.

Война с Японией закончилась позорным для России Портсмутским миром. Япония выиграла еще и из-за несвоевременной доставки на русский Дальневосточный фронт войск, вооружения, боеприпасов, продовольствия и медикаментов. Слишком долго и нерешительно решало царское правительство вопрос о строительстве путей сообщения на востоке страны. Это явилось одной из причин поражения в войне. За это пришлось расплачиваться огромными потерями на полях сражений, потерей престижа России после заключения мира.

Лишь в 1906 году, в сентябре, была повторно утверждена «Инструкция для производства изысканий и составления проекта Амурской железной дороги». В том же году начали повторные поиски трасс будущей магистрали. На западном участке, от Сретенска и от Куэнги до реки Амазар, изысканиями руководил инженер Ф. Д. Дроздов, а на восточном – от Амазара до Хабаровска – инженер Е. Ю. Подруцкий. Изучались направления, трассированные изыскательскими партиями еще в 1894—96-х годах. Пробивались новые ходы севернее Амура. При этом нужно было не приближаться к Амуру ближе, чем на восемь верст, но нельзя было отходить от него далее 120 верст, как предписывало «Наставление для изыскателей».

* * *

Который день сыпал нудный мелкий дождь. Тайга затянута густой пеленой молочного тумана. По бурной реке плывут коряги, ветки, изуродованные стволы деревьев. В верховьях прошли ливни с сильными ветрами.

На крутом косогоре мрачно темнеет огромный бревенчатый дом. Речной воде даже при сильном наводнении до него не добраться. Подворье окружено высоким забором, выстроенным из толстых тесаных, вверху заостренных плах. Выше забора видится лишь тесовая крыша.

К раскисшему берегу причалил плот. Четверо рослых людей, умело орудуя длинными шестами, укрепили его, чтобы не унесло течением, и высадились на сушу. Направились вверх по косогору. Склон сильно размыт потоками дождевой воды. Люди гуськом подошли к ограде. Один из мужиков каблуком сапога постучал в тесовые ворота. За оградой злобным лаем взорвались собаки. Загремели цепи. Собаки так же резко смолкли. Кто-то невидимый лягнул железным засовом. Люди один за другим вошли во двор. Опять загремел засов, и все стихло. С севера потянул хиус. Свинцовые тучи цеплялись рваными клочьями за щетинистые от хвойника сопки. Слышен только шум бурлящей реки да мерный шелест то стихающего, то нарастающего дождя.

...Просторную горницу освещают керосиновые лампы. На стенах кособочатся тени. За огромным столом, один край которого почти упирается в глухую без окон бревенчатую стену, сидят люди. С торца стола, что у стены, шупленький человек в сатиновой косоворотке. Рыжеватая челочка. Глаза острые. Человек оживлен. Время от времени он поднимает вверх тонкие в запястьях руки и хлопает в ладошки, подавая знаки. Двое шустрых парней подносят блюда с закуской, убирают грязную посуду. Среди тарелок, стаканов, вилок и прочих столовых приборов теснятся пузатые бутылки из толстого зеленого стекла.

В шумном, но уже угасающем застолье слышны отдельные голоса. Мужики протягивали жилистые крепкие руки. Цепко прихватывая бутылки за тонкие горлышки, наливали высокие граненые стаканы красного вина. На самом деле это было не вино, а разведенный брусничным соком спирт.

Полные бутылки подносила толстая молодуха в ярко-красном с желтыми лепестками цветов сарафане. Обходя застолье, она собирала грудой пустую стеклянную тару и уносила за перегородку в кухню, откуда несло запахом жареного мяса. На вид молодуха далеко не красавица. Когда наклонялась к столу, и лицо ее попадало в свет керосинок, были видны на левой щеке и ниже по вырезу сарафана множество родинок разной величины. Ресницы

и брови казались бесцветными. Она, как и хозяин застолья, рыжая, хотя родней они не приходились. Голова повязана платком на крестьянский манер. Бородатым гостям, поди, казалась она самым совершенством женского пола. То один норовит ущипнуть, то другой. Молодуха беззлобно, но хлестко была игривого по колючей щетинистой скуле и беззвучно продолжала обслуживать застолье. Если такое замечал хозяин, то ударял кулаком по краю столешницы:

Цыц! Не кабак!

Пытавшийся заигрывать с молодой гость сразу остепенялся и тянулся ручищей к стакану. Вилкой цеплял закуску.

Выждав какой-то определенный, только самому себе известный момент, хозяин крикнул: – Кешка! Алексашка!

В руках шустрых парней вместо подносов вдруг появились расписные балалайки. Гости отворачивались на табуретках от стола, и Кешка с Алексашкой превращались из недавних тихих обслуживающих на трактирный манер половых в лихих и задорных, веселых плясун-танцоров.

– Барыню! Барыню! – просили пьяные мужики. Они утирали большими, как полотенца, носовыми платками лоснящиеся от жира бороды.

Парни лихо отплясывали посередине горницы, залихватски наявивая на балалайках. В отличие от угрястой толстой прислуги ребята были хоть куда. Стройны, тонки в талии, но широки в плечах. По возрасту им можно дать лет по семнадцать каждому. И одеты одинаково. Черные штаны заправлены в блестящие юфтевые сапоги. Красные рубахи с расстегнутым воротом. Только Кешка – белобрысый, а Алексашка – черный.

Пока парни веселили застолье, молодуха по знаку хозяина собрала все бутылки. Взамен принесла и поставила на стол бачок с холодным смородиновым киселем. Гости, заряженные балалайкой и крепким хмелем, повставали с табуреток и лавок. Сгрудившись в круг, чтобы сохранить приличное равновесие, глухо колотили пол подметками сапожищ. Затянули песню:

«По-о дики-м сте-пям За-бай-калья!! Где-е зо-лото мо-о-ют в го-рах! Бро-дяга судьбу про-кли-на-я, та-а-щил-ся с сумой на пле-чах...»

Песня сломалась на первом куплете. Гулявшим с обеда мужикам не хватило духу вывести любимый напев до конца ровным и дружным пением.

Рыжий хозяин подозвал ребят. Налил по полстакана из бутылки, которую, нагнувшись, достал откуда-то снизу, из-под своего стула со спинкой.

– Натек-ка. И на кухню трескать. Да рубайте толком. Кабы не развезло дуралеев, – сказал дружелюбно, как бы по-отечески. Кешка и Алексашка, опустив балалайки, ахнули стаканы до дна, хватанули из ближайшей кружки огуречного рассола и покинули горницу.

За столом разливали ароматный кисель. Шумно втягивали вкусный и приятный после спирта напиток. Наполняли стаканы, пока черпак не заскреб по дну бачка. Разговоры стихали. К потолку клубился едкий табачный дым. Мужики трясли кисетами, обмениваясь самосадам. Хозяин раскурил тонкую изогнутую трубку. Затянувшись несколько раз, постучал ею по столешнице. Все подняли головы. Ждали, что скажет хозяин.

– Так, значит, – он сделал паузу, медленно переводя взгляд с одного лица на другое. Взгляд цепкий и почти не хмельной. Будто ощупывал им каждого сидящего за столом. – Сезон начнем не позднее пятнадцатого числа, – опять замолчал, словно мысленно спрашивал, поддержат ли его, что сезон должны открыть с пятнадцатого. – К этому времени будет порох, дробь, картечь, прочие припасы.

Мужики оживились, смачно смоля самокрутки.

Хозяин поднял руку:

– Однако ж, не гомоните. Есть серьезный вопрос. – Мужики, кивая бородами, замолчали. – Сами, поди, знаете, что творится нынче в округе? – Мужики замотали бородами.

– Ужель не ведать, – глухо ответил один из охотников, – вона чугушка совсем близко подобралась. Того и гляди, энти паровозы нам што-нибудь обшпарят! – мужики громко загоготали. Не сдержал улыбку и хозяин, продолжая начатый о деле разговор.

– То-то и оно, что теперь угодя наши промысловые, стало быть, переместятся. Зверь пугается шума. Шарашится туды-сюды. Бежит в глубь тайги. Соболь и белка хоть и маленькая животинка, а чуёт, что схорониться лучше подальше от просеки. В чаще.

Послухай, Емельян Никифорович, – обратился к хозяину один из мужиков. – Вот давеча, когда плыли к тебе на плоту, делали, значит, по нужде остановку на берегу. Там как раз до ихней насыпи рукой подать. Так чего ж ты думаешь? Бурундуков и тех не видать. Раньше, бывало, всюду выются. Не к столу будет сказано, присядешь под кустом по большой нужде, они, того и бойся, што в портки запрыгнут.

Мужики снова грохнули раскатистым смехом. У одного даже слезу вышибло.

Емельян Никифорович согласно покачал головой:

– К тому и говорю, уходит зверек наш пушной. Потому угодя будем перемещать дальше к северу. Север, братцы мои, он необъятен. Север нас прокормит. Так говорю-разумею?

– Так, так, – закивали охотники.

– Зверь убегает – энтэ што, – включился в разговор охотник Афоня. – Рыба вон и та уплывает. Которые дорогу железную конопатят, они што удумали. Все нороят вдоль реки, все вдоль реки.

– С утра до вечера бух-бух, бух-бух по всей насыпи, – добавил другой охотник, щурясь от крепкой затяжки. – Вот и рыба не выдерживает. Она, поди, тоже соображение рыбе имеет.

– Вдоль рек идут – это наука у них такая, расчет такой сделан, чтобы тоже своя экономия была, – заметил Емельян Никифорович. – Ладно, мы разрешаем, пушай себе строят железку. Я так кумекаю, что с тем строительством нам тоже польза выгорит... А теперь, покуда поели-попили, опочивать пора. Час поздний.

Мужики с грохотом задвигали табуретками. Кто-то спяну смахнул невзначай на пол стакан. Под сапогом хрустнуло стекло. Горница опустела. Над столом висел махорочный дым. Голоса еще глухо и неясно слышались из просторных сеней. Мужики отправились спать на сеновал, на свежий воздух.

Утром охотники покинут гостеприимный дом Емельяна Никифоровича Размахнина, подавшись в разные стороны. Кто семейный, домой. Кто одинокий, сразу в таежное зимовье. Готовиться к зимнему промыслу. До того, как придет груз с припасами, надо успеть починить снаряжение, подлатать исхудившуюся одежду и обувь, подконопатить старенькие бревенчатые стены зимовеек, подладить крытые берестой или жердями односкатные крыши. После Покрова дня, по первому снежку выйдут охотники на дикие тропы. Начнутся привычные таежные будни.

* * *

«Амурская железная дорога. Она строилась позже других участков Великого Сибирского пути. В то время, когда пороги царских дворов обивали посланцы иностранного капитала, предлагавшие свои услуги в строительстве железной дороги на Дальнем Востоке России, в Министерстве путей сообщения с участием представителей других министерств изучались, а затем были единодушно одобрены предложения о прокладке стальных путей на просторах от Куэнги до Хабаровска.

Наконец в Чите получили долгожданное разрешение начать финансирование строительных работ на головном участке будущей Амурской железной дороги. К решению не было предложено никаких разъяснений. Не были определены этапы и сроки строительства дороги в целом. Не были даны ответы на многие технические вопросы. Но с открытием финанси-

вания немедленно начались строительные работы от станции Куэнга Забайкальской железной дороги на восток до Урюма.

Весь участок строительства приходился по долинам и ущельям попутных рек. Рельсы прокладывали по скальным косоогорам многочисленных отрогов могучих хребтов. Трассу пересекали бесчетные горные потоки. На равнинах грунты оттаивали за лето на два-три аршина в глубину, а дальше шли вечные льды, промороженный ил, пльвуны. Слева и справа от трассы чернела низкорослая тайга, зеленело редколесье.

...Под влиянием общественного мнения в 1907 году были окончательно отклонены все проекты строительства железной дороги на востоке страны силами иностранных обществ, синдикатов и комитетов. В марте 1908 года Государственная Дума приняла решение начать строительство Амурской железной дороги на всем ее протяжении с ветвями к магистрали от рек Шилки и Амура к Таптугарам, Рухлово (Сковородино), Ушумуну, от Благовещенска к Бочкаревке (Белогорск). Был утвержден закон об отпуске средств на сооружение магистрали от Урюма до Хабаровска. В то время два города Забайкалья – Чита и Нерчинск – оспаривали право разместить у себя Главное управление по постройке Амурской железной дороги. В августе 1908 года в Нерчинске начали формировать управление строительства. Конторы строительных участков разместили в Усть-Каре, Горбице, Часовинской, Игнашино, Рухлово. Но в том же году Главное управление строительства переместили в Читу, поскольку Нерчинску оказалось не под силу конкурировать с быстрорастущим центром губернии.

Пятого июля 1909 года была утверждена строительная стоимость железной дороги на участке от станции Урюм до Могочи. От Урюма на западном направлении включительно до станции Куэнга в это время полным ходом шло сооружение магистрали, в котором участвовало несколько тысяч строителей. Отрезок этого пути был протяженностью 193 километра.

Одновременно со строительством стальной колеи «Комитет Сибирской железной дороги» организовал проведение геологических изысканий и исследований всей полосы будущей дороги. Были открыты и начали эксплуатироваться каменноугольные бассейны, в частности, в Восточной Сибири и в Забайкалье, такие, как Черемховский, Харанорский».

3

Второй час инженер Покровский сидел за бумагами. Перелистывал справочники. Карандашом делал пометки в рабочей тетради. В подчинении находился десятиверстный участок строительства. Как молодому выпускнику, Покровскому поручили участок работы наименьшей протяженности по сравнению с остальными. Они объединялись в дистанцию под началом Бориса Васильевича Зееста.

Алексей вынул часы. Надо торопиться. В соседнем поселке строителей на три часа назначено совещание. Через пять минут он пробирался по хлюпающей жиже, утопая в ней сапогами, от конторы к своему зимовью, чтобы успеть перед дорогой перекусить кусок хлеба с чаем. Ездить верхом на лошади Алексею раньше не доводилось. Теперь пришлось осваивать технику верховой езды. Неплохой наездницей была, впрочем, Ирина. Алеше вспомнился полковничий Гусар, любимец старого вояки Потемкина. Алексей вздохнул при мысли, что предстоит опять взбираться на гнедого коня, которого звали Маслак.

– Не переживай, Петрович, научишься, – успокаивал Алексея Митрофан, приставленный к инженеру по всяким делам, исполняя роль и конюха, и кучера, и нарочного, если случалось спешно отправить бумагу в контору дистанции, либо на соседний участок. – Я б запряг телегу, да сами видите, как землю дождем напитало. Ну, чего, барин? С богом? – Митрофан слегка хлопнул квадратной ладонью по блестящему крупу Маслака.

– Я всякий раз устал напоминать, не называй меня барином. Алексей Петрович, и все.

– Я вас, Алексей Петрович, шибко уважаю.

– Но это же уважение не выражается словом барин?

Митрофан почесал за ухом и кинул совсем немногословно:

– Да ладно уж, извини, Петрович, что уж как невпопад скажу...

– Да ладно, старик, извиняю, – Покровский слегка ткнул Митрофана в спину. – Ладно, как хочется, так и называй...

Все жарче припекало солнце. До сегодняшнего дня оно неделю скрывалось за плотными свинцовыми тучами, пролившими на землю море воды. Вокруг головы вились тучи мошкар. Вездесущие комары во множестве своем неисчислимом забирались под платок, которым Алеша обмотал лицо и шею, впивались в лицо и шею, в губы, щеки, нос. Отбиваться ладонью – бесполезное дело. К концу пути лицо горело. Такими же распухшими были лица других участников совещания, особенно у новичков, что познакомились со здешним краем недавно. У старичков, опытных командиров транспорта, видать, кожа была уже задубелой. Не брали ее ни комарье, ни пауты.

Борис Васильевич Зеест сидел за дощатым столом, положив перед собой рука на руку. Седовласый, в годах, человек. Поверх черного кителя наброшена водонепроницаемая американская накидка. Начальник дистанции кивком головы здоровался с каждым, кто входил в помещение. Алексей слышал, что Зеест был выходцем из довольно высокого родового сословия. Длительное время практиковался на германских железных дорогах. Не раз ему приходилось бывать в Соединенных Штатах. Там виделся с такими знаменитыми американскими инженерами, как Гаттен, Мак-Мастер Джексон.

«Эти люди получили известность на волне технического авантюризма, связанного с фантастическими проектами супержелезнодорожных магистралей, – как-то делился воспоминаниями со своими коллегами Борис Васильевич. – История свидетельствует, что во все времена, когда в обществе возникал какой-либо хаос, как в политическом, так и в экономическом смысле, появляется масса всевозможных проходимцев, ловкачей и прочих шарлатанов. В данном случае, пока в России шли бесконечные дебаты о целесообразности строительства Амурской железной дороги, чтобы соединить в единое целое Транссибирскую магистраль

на участке Сретенск-Хабаровск, в Петербург хлынул поток предложений о строительстве железной дороги на востоке страны посредством иностранного капитала. Особенно много разговоров велось вокруг проекта линии Нью-Йорк-Париж, через Берингов пролив и Сибирь. Одним из таких предпринимателей стал французский инженер Лойк-де-Лобель, который привез в Петербург рекомендательное письмо. Одновременно просочился слух, что за спиной этого господина, в высшей степени обаятельного и неотразимого для петербургских женщин, стоит некоронованный железнодорожный король Америки Эдвард Генри Гарриман. Под видом экономической помощи со стороны иностранного капитала замышлялся тем самым захват богатейших территорий Сибири с тем, чтобы впоследствии вовсе отторгнуть этот регион от России».

Борис Васильевич Зеест в это время находился в составе одной из комиссий, занимающихся рассмотрением поступивших от американского синдиката по строительству «Транс-Аляско-Сибирской железной дороги» предложений и пояснительных записок. Он обратил внимание, впрочем, как и его соратники, на то, что во всех представляемых документах ни слова не говорится о сроках начала и конца строительства магистрали в пределах американского континента или хотя бы о начале изыскательских работ на территории Аляски, Канады, Северо-Американских Соединенных Штатов. Одновременно с этим возник и американский комитет содействия синдикату, в который вошли министр финансов и ряд директоров национальных банков. Комитет обратился к русскому правительству с просьбой разрешить строительство железной дороги в Сибири силами и средствами американского синдиката. Комитет предложил проложить железную дорогу по северным, почти незаселенным, районам дальнего Востока и Сибири. Осваивать эти районы самостоятельно Россия в то время не могла, поэтому русские быстро раскусили хитрость иностранцев. Железная дорога по американскому проекту могла служить лишь одной цели – выкачивание богатств из нетронутых запасов восточной части России силами американского капитала. Русским чиновникам нетрудно было подсчитать на бумажке тот куш, который в случае нерешительности царского правительства могли бы оторвать американцы. Итак, сколько же земли отошло в их пользу? По восемь миль с каждой стороны дороги в сторону. Это шестнадцать миль в поперечнике или около двадцати шести километров. Умножив ширину поперечника на длину дороги, получим площадь, которая равна территориям Англии и Бельгии, вместе взятым!

Дамский сердцеед француз Лойк-де-Лобель, пользуясь личными связями влиятельных дам с чиновникам царского двора, не сумел получить желаемого. А именно, убедить правительственные круги России в перспективах своего проекта. Он встретил отказ. Не отчаиваясь, решительно настроенный француз пошел на второй и третий приступы. Но орешек российский оказался твердым. Рискую сломать белые как фарфор зубки или вовсе их недосчитаться, нарвавшись на крепкий русский кулак кого-либо из поклонников прекрасных милых дам, француз поспешил исчезнуть с горизонта.

Но вскоре шквал в прессе чуть было не поколебал незыблемость позиций русского железнодорожного ведомства. И в России, и за рубежом в поддержку авантюры со строительством Транс-Аляско-Сибирской железной дороги были опубликованы многочисленные газетные статьи. Синдикат действовал уже более утонченно, понимая, что в лоб русских не взять. Рука упомянутого француза стала действовать уже непосредственно через председателя совета Государственной обороны князя Николая Романова. Тот потребовал от председателя совета министров вновь рассмотреть предложение синдиката и принять окончательное решение.

Первого декабря 1905 года снова собрался совет министров, на котором царь, наконец, утвердил решение, с восторгом принятое в Америке. Заработала двухсторонняя комиссия по проекту условий строительства фантастической магистрали. Закрутился маховик гигантского канцелярского механизма. Но тут свою роль сыграли традиционно русская нерешительность, оглядки назад, бюрократизм и волокитство. Забумаженный с множеством попра-

вок и изменений, вносимых в проект, ход подготовки к началу строительства затормозился, и Лойк-де-Лобель со всей своей многочисленной командой дельцов и проходимцев, обанкротившихся банкиров, отставных чиновников всяческих рангов, спешивших погреть руки, потерпели полный провал.

Узнав об изысканиях русских на участке Сретенск-Хабаровск, американцы попробовали, было, предложить России еще несколько, казалось бы, заманчивых предложений. В частности, один из северных вариантов предполагал магистраль от Канска на Хабаровск, с ветвями к Чите, Благовещенску, Николаевску-на-Амуре, и от Нагорной, что севернее Большого Невера, на Верхне-Колымск и далее на Чукотку с ветвью на Охотск. Условия строительства предлагались самые выгодные. На самом же деле никаких финансовых гарантий от русского правительства не требовалось. Дорогу обещано было строить на иностранные капиталы. Но строителям нужна была полоса отчуждения вдоль всей трассы. Ширина полосы колебалась от уже известных восьми до пяти миль. Строители в лице иностранного капитала получали право на данную полосу, чтобы использовать все недра и богатства, в ней заложенные. Однако и это все с треском провалилось. Произошел тот самый случай, когда русская неповоротливость и медлительность, как в мышлении, так и в действиях, сыграла положительную роль для дальнейшего развития страны...

Зеест покинул Петербург после всех этих широко известных событий и прибыл в Сибирь. Сначала служил на Кругобайкальской дороге. Затем добился перевода на участок строительства будущей Амурской железной дороги. Все это время он безвыездно провел здесь. Дорабатывал еще вместе с изыскателями не обсохшие чертежи и планы трассировки. Участвовал в организации строительных контор. Готовил к отправке вербовщиков в западные губернии России. Борис Васильевич очень подробно изучал быт местных жителей. Налаживал связи с поселениями забайкальских казаков. Интересовался северными народностями, чьи племена нередко заходили с Олекмы сюда, на место будущей железной дороги.

...Докурив трубку, Зеест положил ее на пепельницу.

– Разговор сегодня предстоит весьма серьезный. Впрочем, несерьезного у нас с вами ничего нет. Всякое дело сопряжено и с проблемами, и с неудачами, и прочими трудными моментами. Дело на нас возложено чрезвычайно ответственное. Проторить стальную дорогу сквозь тайгу и сопки, по степям и рекам, дабы соединить центр России с ее окраиной. Первые месяцы показали, что наша работа весьма тесно сопряжена со спецификой характера местного человека. Понятно, что масса людей приезжих, но помнить надо – многое зависит и от коренного населения. Их понимания той глобальной задачи, о которой все мы помним, все мы знаем. Контингент в Забайкалье особенный. От подневольных ссыльных и каторжных до волею назначенных самим государем служилых казаков. И климат здесь своеобразный. Я бы так сказал – особо характерный. Под стать местному населению. С трескучими морозами и палящим зноем. Прошу, господа, понять правильно. Если кто занемог тоскою по средней полосе России, тогда лучше заблаговременно вернуться обратно. И зла никто не будет держать на вас. И силой удерживать тоже не станет.

Зеест молчал минуту. И все молчали.

– Это вам на раздумье, а теперь завершим сей лирическое отступление, и перейдем к делу.

Доброй вестью, объявленной Зеестом, стало сообщение о том, что согласно специальной директиве Комитета по строительству инженерно-технический состав освобожден от хлопотных обязанностей, связанных с бытом рабочих и прочими хозяйственными делами. Теперь инженеры будут заниматься исключительно деятельностью, связанной со строительством дороги. Теперь чисто технические задачи. Упомянутые же проблемы ложатся на плечи старших десятников и дорожных мастеров. Завершая разговор, Борис Васильевич сообщил о том, что, возможно, скоро на строительстве будут задействованы ссыльно-каторжные.

– Держите дисциплину, господа. Распознал дурман свободы наш мужик. В нее, матушку, и упирается основное противоречие сегодняшнего времени. В своем большинстве рабочие не подневольные, не каторжники, наказанные законом. Но сезонная работа нас не устраивает. Не давайте мужику уходить с дороги. По силе возможного старайтесь его заинтересовать. И хочу подчеркнуть. Не надо сторониться местных жителей. По большому счету, это их земля. В ней их корни. В скором будущем надо обслуживать магистраль. Многие кадры потребует новая для этого края транспортная эксплуатационная служба. Западники должны здесь осесть. Смешаться с забайкальцами кровно, а значит, навсегда. Так что желательно, чтобы здешний край им приглянулся. И тогда переселенцы воспримут традиции и порядки. Поймут умом и сердцем смысл обживания этих мест...

* * *

Сухая солнечная погода не устоялась. На тайгу опустилось ненастье. Порывистый ветер гнал над желтыми сопками черные дождевые тучи. Вышли из берегов малые речушки и ключи. Бурлили мутными потоками, размывая все на пути. Вода подступала к железнодорожной насыпи. Землекопы и рабочие лихорадочно укрепляли земляной склон колотым камнем. Огораживали опасные промывом места досками, бревнами, корягами. Придавливали сверху тяжелыми валунами.

Насыпь магистрали проходила в ста метрах от поселка строителей. Отсыпка сделана по весне. Сейчас, в сентябре, монтировали стальную колею. Железнодорожное полотно петляло вдоль реки Урюм, то отодвигаясь от тянувшихся сбоку сопки, то тесно прижимаясь к ним, ныряя в рубленые скальные выемки.

У Алексея много времени уходило на дела бумажные. Готовая насыпь заканчивалась через несколько верст. Надо строго следить за тем, чтобы не допускалось технически неоправданных отклонений от намеченного маршрута и произведенной изыскателями трассировки. Дабы избежать ошибок, надо строго следовать всем предписаниям, согласно чертежам, расчетам.

Каждый вечер при свете керосиновой лампы молодой инженер засиживался над бумагами. Карандашом и линейкой пересчитывал результаты изнурительных дневных хождений с планшетом и буссолью вдоль трассы.

Фитилек лампы замигал. Кончался керосин. В дверь постучали.

– Портите глаза?

– Приходится, – кивнул на бумаги Покровский.

Северянин принес литровую банку керосина. Заправил лампу. Стало светлее.

– Ноги сегодня очень устали. Еще и от непогоды ломота, – присев на лавку, Северянин принялся разуваться. Кисло запахло портянками. – Постираться бы не мешало. На реке вода ледяная и мутная. Вон как дождит. Сентябрь выдался мокрый. К зиме бы баньку соорудить. А, Алексей Петрович?

Куприян Федотыч старше Покровского лет на пятнадцать.

Невысокого роста, но в плечах шире инженера. Над брючным ремешком заметное брюшко. С краешков рта зависли рыжеватые усы. Бороду он брил регулярно. Северянин был прост в общении. Одновременно он нес отпечаток душевной самоуглубленности, словно пытался внутренне разрешить какой-то самому себе непонятный вопрос. Ему были присущи частая задумчивость и некая медлительность в разговоре. Будь то перед ним начальник, будь подчиненный. Но мог поговорить, причем с оттенком философии с любым собеседником.

Алексей слышал, у Северянина семья попала под малярию. На западе. Куприяна спасло то, что находился на заработках. Далеко от дома. Позже прибил к изыскательской партии. Выполнял разные работы. Изыскатели, которые вели трассировку будущей железной дороги, кое-чему успели научить и смышленного Куприяна. С началом строительства несколько лет

мотался по участкам Транссиба в районе Байкала и Читы. На Амурскую дорогу приехал из Нерчинска, где работал в одной из вербовочных контор. Много недель провел на палубах барж, на тряских телегах и в разбитых повозках. Работа вербовщика не из легких. Стал свидетелем не одной лихоманки, когда в очередной партии вербованных переселенцев начинался бунт. Получив выданный денежный или продуктовый аванс, люди разбегались. Среди них нередко оказывались самые отъявленные разбойники, для которых целью было лишь бы скрыться в таежных дебрях Сибири, уйти от правосудия. Чем это оборачивалось в пути, Северянин знал не понаслышке. В воде тонул. В огне горел. Случалось попадать под ружейные стволы местных грабителей на глухих таежных тропах, на почтовых дорогах близ большаков.

– Я вроде чиновника малой руки, – продолжил разговор Куприян Федотыч. – Люблю дела неприметные, но значительные.

– Разве есть такое выражение? – улыбувшись, отозвался Алексей. – Обычно говорят – средней руки.

– Я толкую о том, что на свете существуют вещи, о которых до конца своей жизни человек думает, а понять не может. Не уразумели, Алексей Петрович? Попытаюсь объяснить. Проще донести свою мысль. Вот вы, к примеру, лично чего хотите в жизни? – обратился Северянин к Алексею. – Возраст ваш вполне позволяет ответить четко, ясно и определенно. Так? – сидя на лавке, Северянин обеими руками растирал затекшие после долгого рабочего дня икры уставших, налитых тяжестью ног.

– В жизни? – переспросил Алексей. Невольно пожал плечами. Задумавшись, собрал разложенные листы схем, прочие бумаги. Начал аккуратно складывать их в картонный планшет.

– Затрудняетесь? А я вам, дорогой Алексей Петрович, отвечу. В жизни вы хотите жизни. Так?

– Не совсем понятно. Затрудняюсь сообразить.

– А понять очень даже несложно. В жизни хотеть просто жизни – это не парадокс. Это аксиома. Хотеть жизни – это не в смысле есть, пить, спать, ходить, дышать, любить... Кстати, вы женаты? Нет, я знаю, что нет. Извините. Возможно, я допустил сугубо личностный, и даже глупый вопрос. Поведем речь, если я вас еще не утомил, с другого конца. Мы с вами где? В Сибири. Да, в Сибири. И не просто в Сибири, а в самом центре ее. Да, батенька, край за Байкалом есть преисподняя Сибири. Смею вас заверить. Что? Можете возразить? Напрасно. Условия жизни хотя бы на востоке от нас, в Приморье, гораздо выгоднее. У нас край вечной мерзлоты, а там, пожалуйста, сливы растут. Помидоры размером с мой вот кулак! Там даже хоть дикий, но виноград спеет!

Алексей увлекся рассуждениями старшего десятника, с которым они уже второй месяц делили это жилище, которое местные рабочие называли не избушкой, не домиком, а зимовьем. Слушая Северянина, он окончательно запутался в его логике. Меж тем, Алексей догадывался, что тот забрасывает некий крючок своих мыслей, над которыми любому случайному собеседнику предстоит впоследствии поломать на досуге голову.

– Скажем, имели бы сейчас приличное жилье, так? Ездили по утрам на службу в экипаже. А по вечерам гуляли с барышнею под ручку в городском саду или меж каменных фонтанов близ проспекта. А ежели повыше взять. Где по утрам в постель горячий кофе подают со сливками? Что-то понятно? Нет? Понятно?

– Позвольте, Куприян Федотыч. Я совсем, однако, запутался, – признался Алексей.

– Значит, батенька, вам разницы совсем никак не чувствуется между тем, что я вам только что нарисовал, и тем, что имеете вы в действительности?

– Разумеется, да. То есть, нет, – отрицательно покачал головой Алексей. – Но ведь построим дорогу и тогда...

– Что тогда? – живо перебил его Северянин. – Вы и сами себе предположить в сию минуту не можете, что будет тогда, что будет потом. До этого, положим, надо еще дожить. А вот что есть теперь?

Алексей молчал. С интересом ждал, чем завершится ход мыслей Куприяна Федотыча, который, философствуя, раскладывал мокрые портянки на теплую, сложенную из дикого камня, печку. Признаться, давненько Алексей не участвовал в подобного рода публичных измышлениях. В студенческих компаниях в этом преуспевал Ферапонт Стрелецкий. Но у того все акценты смещались на политику...

– Теперь-то, батенька, вы, чрезвычайно нуждаясь во всем, что осталось дома, мечтаете о возвращении туда. Потаенно и подсознательно, даже когда спите и видите сны, вы, так или иначе, находитесь в позывах обратного возвращения на родину. При всем благородном чувстве долга, вы живете надеждами на скорое избавление от условий, окружающих вас сегодня. Так?

– Вот не ожидал, – произнес с улыбкой Алексей.

– Чего? Подобных рассуждений? В принципе, все это присуще любому человеку. Взять нашу среду. Могу смело утверждать, что любой переселенец-лапотоп, хлебавший в своей обнищавшей деревеньке постные щи из крапивы, тоже не лишен тех самых внутренних позывов, о которых я только что говорил.

– Позвольте спросить, Куприян Федотыч, а сами-то вы как? Тянет, вероятно, в родные места?

У Северянина изменилось лицо. Это было видно при свете лампы. Он сидел опять у стола, но поднялся и шагнул к печке.

– Разве что могилки жены и детей наведать... Впрочем, и тех нет. Малярийных-то покойников в общую яму складывали. Заливали известью... Ничего нет. Да... Сейчас портянки подсохнут и подкину дров. Чай пить будем.

В двери зимовья раздался стук. В длинном до пят дождевике перешагивал узкий порожек-плаху Митрофан. Озябший. Мокрый.

– Можно?

– Проходи-проходи, Митроха, – гостеприимно приглашал гостя Северянин. – Как раз к горячему чаю.

– Опять хмурит небо. Занепогодило, – Митрофан протянул к теплему печному боку ладони. – И когда стихия небесная перестанет воду лить? Тут у нас всегда непутно, – ворчал по-стариковски Митрофан. – Когда по лету сушь выпадает страшная, тайга горит, ни капли сверху. А как, бывало, мужикам в деревне хлеб убирать, скотине косить, начинается сеногой. Я ведь кровей-то крестьянских. Сколь годов, считай, в казачьей станице прожил.

– Что, и сам, небось, казак? – спросил Куприян Федотыч.

– Куды хватил, – рассмеялся Митрофан, трясая сивой бородой. – Нет, паря, лампасов носить не довелось. Ходил в работниках.

– И как житуха на батрачьих хлебах? – не отставал Северянин.

– Жаловаться грех.

– Даже так?! – удивился старший десятник.

– Меж батраками и работниками отмечу разницу, Федотыч. Ели и пили мы с хозяевами, почитай, с одного стола. Работали много. Добросовестно. Но и питались сытно. Так замечу. Не голодовали и не холодовали. Особенно вольготно было, когда на заимку переезжали.

– И чего же ты, Митроха, променял такую добрую жизнь с казаками на нашу недостроенную дорогу, полную лишений? – допытывался Северянин, с хитроватым прищуром глядя на разговорившегося старика.

«Везуч сегодняшний вечер на собеседников. Сиди да слушай», – с иронией подумалось Алексею.

– Про то особый и долгий сказ, – ответил Северянину Митрофан. – Как-нибудь опосля догустарю про судьбу-судьбинушку.

На столе появились жестяные кружки, кусочек сала, хлеб, две луковицы. Митрофан, кряхтя, подсел ближе на табуретку. Свой дождевик приспособил на гвоздик в ближнем углу от печки.

После горячего чая Алексей, несмотря на усталость, заснул не сразу. Что-то зануло в душе после вечернего разговора с Северянином. «В жизни хотеть жизни», – назойливо вертелась в голове засевавшая в сознание фраза. Слушая мерный храпоток уснувшего товарища, Алексей начинал мысленно уверять себя в том, что Куприян Федотыч, пожалуй, прав. Прав в том, что, действительно, он, инженер Покровский, конечно же, мечтает о скором или не таком скором, но возвращении домой. А именно – в Петербург. Тешит себя всякий раз тем, что все это временно, что впереди последний этап большой пути, проделанного до него точно такими же инженерами, имена многих из которых со временем канут в безвестность. А пока все это временно? «В жизни хотеть жизни»... Значит, вернуться под вишни и липки? Сон незаметно сморил Алексея. И все мысли отодвинулись и затихли.

* * *

Под громкие команды десятников рабочие укладывали в насыпь шпалы. Поверху длинными специальными клещами затаскивали тяжелые рельсы. Из ящика вынимали и раскладывали на земле костыли.

– Раз-два взяли! Еще взяли!

Наверное, эти команды придавали людям больше сил. Без команд работа бы не спорилась так ладно и сноровисто.

Погода не баловала щедростью солнца, но рабочие снимали верхнюю одежду. По лицам струился обильный пот. Далеко окрест раздавались гулкие удары путейских молотков.

С просеки, где разделявали лес, подвозили свежевystруганные шпалы. Те, кто рубили просеку, сделали в свое время необходимые запасы бревен. Там, где работала первая артель лесорубов, следуя намеченным маршрутом, теперь оставались длинные штабеля очищенных от сучьев деревьев. Наиболее подходящей для производства шпал древесиной считалась лиственница. В условиях местного климата она служила долго. Могла пролежать в железнодорожной насыпи несколько десятков лет. На лесосеке специальная артель тесала шпалы. Рельсы и крепежный материал подвозились с базы, которая располагалась в нескольких верстах на разъезде. Там с платформы разгружали все необходимое. Длинные рельсы. В тяжелых ящиках костыли, болты, накладки и подкладки. Паровоз ежедневно пригонял состав из нескольких железнодорожных платформ с Часовинской пристани, где на реке Шилке выгружались свежие баржи.

– Стой, рас-с-такая! – кричал на лошадемок разгоряченный с красным от напряжения лицом возчик. Он топтался возле телеги. В ней стояли ящики с крепежным материалом.

– А ну-ка, взяли! Все вместе взяли! Еще раз! – по-прежнему, несло с насыпи.

Отмахиваясь от полчищ комаров, рабочие затаскивали, вцепившись в железо путейскими клещами, очередной рельс. С помощью ломиков переворачивали рельс подметкой на разложенные шпалы. После зашивки колеи с помощью тех же ломов делали рихтовку рельсо-шпальной решетки. Следом шли рабочие, вооруженные длинными металлическими штырями с расплюснутыми в виде лопаточек внизу концами. Они штопают путь, то есть, забивают в оставшиеся под шпалами пустоты мелкие камешки и песок. Монтировка железнодорожного полотна требует тщательности, основательности и прочности. И снова продолжается раскладка шпал, рельсов. Зашивка. Ахают молотки, вгоняя в свежую древесину отлива-

ющие синевой каленые костыли. А позади, в сотне саженьях, идет по готовому пути инженер Покровский, проверяет горизонт полотна специальным измерительным инструментом.

...С приходом очередного состава с пристани Алексею передали письмо. Петербургский обратный адрес.

«Здравствуй, милый Алеша!

Третьего дня по приезду с занятий домой узнала, что лежит от тебя послание из Сибири. Целое большое письмо. Теперь мне порою, кажется, что после твоего отъезда прошла целая вечность. И при том, разумеется, глупо спрашивать, насколько долго продлится твоя командировка, поскольку времени прошло совсем ничтожно.

Ты сообщаешь, что условия там довольно сносные, и постепенно приходится привыкать к новому укладу действительности. Прошу тебя писать подробно, дабы я смогла иметь полное представление о далеком крае в Сибири, который ты называешь Забайкальем. Однако ж, прекрасно, если люди там хорошие. Это очень даже замечательно. Пиши, как можно чаще, хотя понимаю, что на частую почту надеяться не приходится, поскольку слишком далеко отсюда твое Забайкалье. Уже одно название этого края впечатляет. Представляю что-то раздольное, необъятно обширное... Несмотря на безумно долгую почту, пиши почаще. Вот видишь, я уже невольно повторяюсь. А все потому, что жду с нетерпением каждую весточку...»

Письма от Ирины Потемкиной Алеша обычно перечитывал несколько раз. Уже вечером при керосиновой лампе вынимал и открывал потертый от долгого пути конверт. И даже, когда зимовье погружалось в темноту и Куприян Федотыч видел третий сон, Алеша, лежа на жестком тюфяке, набитом колючей сухой соломой, бережно трогал почтовую бумагу.

Он прислушивался к шумным порывам ветра за стенами зимовья, шороху листьев на ветвях близких деревьев, храпу старшего десятника. И вдруг осознанно начинал понимать логичность недавнего разговора с Северяниным. Что, если и, действительно, так будет всегда? Алексей, взволнованно, сам не понимая, почему, привставал на постели. А может, и прав Северянин – окончится это строительство, понадобится присутствие Покровского где-то в ином месте? И выходит, что его, Алексея Петровича, уделом остаются лишь измятые конверты с гербовыми марками Санкт-Петербурга? Что, впрочем, тоже бесконечно продолжаться не может...

4

Ранним октябрьским утром, когда хрупким прозрачным ледком затянуты широкие лужи на разбитых телегами дорогах, на путях в версте от строящегося тоннеля, фыркая белыми клубами пара, остановился паровоз с коротким составом. Лязгнула узкая железная дверь головного вагона с черными зарешеченными окошками. На нижнюю ступеньку подножки спустился долговязый охранник. Состав, состоящий из нескольких желтого цвета вагонов, дернулся и застыл. Все стихло. Жандарм поглядел внутрь тамбура и спрыгнул на полумерзлую от осеннего утреннего морозца землю. Следом стали вылезать солдаты в серых длинных шинелях. Отойдя от железнодорожного полотна, они построились редкой цепью вдоль вагонов. Повернулись лицами к окошкам. Сдернули с плеч винтовки.

Жандарм оказался худым долговязым фельдфебелем. Черная шинель болталась на нем как на вешалке. Сняв перчатку, он провел пальцем по закрученным кверху черным усам. Поправил на цыплячей голове короткую барашковую папаху, на которой тускло желтели медно-жестяные ленточки кокарды. Покрутил головой туда-сюда, стараясь теплее укутать тонкую шею. Придерживая на боку шашку в длинных ножнах, неровно поковылял вдоль состава. Старался, впрочем, идти бодро, хотя до выправки военных служилых ему было явно далеко. Жандарм и есть жандарм.

Из последнего вагона вышли унтер-офицер и поручик. Блеснули на плечах золотистые погоны. У этих чувствовалась строевая выправка. Усатый фельдфебель обошел весь поезд, стуча кулаком в двери. Залязгали засовы. Поручик отдал команду, и солдаты взяли винтовки с отомкнутыми трехгранными штыками наизготовку. По команде жандарма из вагонов на снег полезли каторжные. Прыгая с верхней ступеньки подножки, придерживали круглые арестантские шапки. Солдаты подхватывали их под руки и попарно направляли в сторону от железнодорожного пути к откосу перед станционным зданием, что возвышалось на бугорке. Там каторжан строили в колонну по два человека. Поручик и охранники из числа жандармов во главе с фельдфебелем подошли ближе.

Поручик молод. Усики только пробивались. Однако, голос у офицера уже хрипловатый. Знать, много доводилось кричать на холоде. Вероятно, в таком возрасте большое удовольствие доставляло командовать людьми. Особенно, если одеты они в серую солдатскую форму. Безропотны и послушны. Послушнее, чем сами каторжане, которых они конвоировали. Прежде чем к ним обратиться, офицер потискал пальцами, обтянутыми кожаной перчаткой, эфес шашки и, скользя взглядом по хмурым лицам, на высокой ноте выкрикнул:

– Слуш-шай мою команду! – поручик сглотнул слюну, пытаясь с новым вдохом воздуха придать командному голосу большую строгость. – Все вы сейчас будете отправлены к месту будущего расположения. Тепляков и казарм для вас не приготовили, сами понимаете, здесь не пансионат. Так что придется самим строить свое теперешнее жилье. Все! Вперед! – офицер махнул рукой. Арестанты разом повернули головы в сторону. Туда, куда, как многим показалось, указал господин поручик. А в той стороне виднелись заснеженные, оплывшие морозным туманом сопки. По шеренгам прокатился, словно нарастающий шорох и тут же стих.

– Радуйтесь приволью, господа-бузотеры! – бодро добавил долговязый фельдфебель, прежде чем отдать команду на движение. – Судьба к вам милостива. Властью свыше обещано, возможно, дать вам полный расчет, как постройте дорогу...

Неведомо, из каких источников, каторжные слышали раньше, что часть из них после определенного срока работы на железной дороге может надеяться на досрочное освобождение, которое либо заменят полной волей, либо поселением в здешних местах при магистрали.

– Подтя-ни-ись! – кричали солдаты, одетые в легкие шинели. Еще октябрь на дворе, но холода уже стоят ощутимые. А в сопках только что выпал первый снег. Знать, зима совсем

скоро. Солдаты мечтали об одном. Быстрее добраться до места, до тепла. Конвоиры вспоминали толстостенные тюремные казематы, которые надежно защищали от любой непогоды, от морозов. Для охранников самыми тяжелыми считались часы несения караульной службы. Теперь на тоннеле придется целыми днями находиться вокруг да около работающих арестантов, испытывая сполна все прелести здешнего климата.

...О прибытии на участок свежей партии рабочей силы инженер Покровский узнал на совещании у Зееста. В контору дистанции прибыл курьер. Быстрым шагом прошел в кабинет. Придерживая полы меховой дохи, положил на письменный стол серый пакет с сургучной кляксой посередине. Наклонившись, что-то тихо сказал. Зеест кивнул, и курьер так же быстро удалился.

Прекратив разговоры, присутствующие выжидающе смотрели на Бориса Васильевича. Тот неспешно вскрывал пакет. Вынул листок бумаги. Прочитал. Поднял глаза.

– Итак, господа, как и было давеча мною объявлено, на дистанцию прибыла партия каторжных. Согласно предписанию, им надлежит участвовать в работах на тоннеле. Поскольку данный объект находится на участке Покровского, на него теперь возлагаются дополнительные обязанности, хотя тоннелем непосредственно занимается у нас инженер Магеллан. Вам, Алексей Петрович, следует проконтролировать размещение прибывшей партии. Обустройством займется лично ваш старший десятник. Кажется, Северянин, да? Он человек опытный. Так что помогите их военным начальникам, подыщите место.

– У нас имеется только одно почти готовое зимовье душ на пятнадцать. Еще два помещения не достроены, – объяснил Покровский. – Предписание поступило только что, потому участок оказался не совсем готов к приему новых людей.

– Да уж, – Зеест поморщился, – конкретно о вашем участке из Нерчинска ничего не сообщалось. Тем не менее, видите? – он помахал депешей, – Мы поставлены перед фактом. И прибывших арестантов надо обустроить. Если переморозим на улице под открытым небом, какие после того из них будут работники?

Через полчаса после этого разговора Алексей, закутавшись в громадный овчинный тулуп, возвращался, полулежа в санях, на участок. Минувшей ночью снега еще подвалило. Маслак ходко бежал по подмерзшему насту дороги. Звенел колокольчик. Спуск. Подъем. Спуск. Подъем. Лощинка. Взгорок. Митрофан лишний раз не беспокоил расспросами, зная, что инженер сполна наговорился на совещании с коллегами и начальством.

«Трудное ремесло у Петровича, – размышлял Митрофан, крепко держа вожжи. – Попробуй-ка не ошибиться. Все помнить. Где, какой бугор обойти, а где его срезать, раздолбив камень и насыпав земляное полотно. Укрепить, чтобы не размыло наводнением. А главное, надо уложить и надежно скрепить рельсы со шпалами, дабы паровоз с вагонами не завалились, – Митрофан оглянулся назад. – Устал Петрович. Задремал. Согрелся, поди, в овчине. Молодой еще. Совсем молодой. Но башковитый, видать. В самом Петербурге, столице государственной, учебу проходил. Теперешнее дело постигал. Как стелить железную дорогу в таежных дебрях...»

– Митрофан! – окликнул возчика Покровский.

– Чего изволите, Алексей Петрович?!

– Гони, голубчик, напрямик до двадцать второй версты.

– Мимо дома, выходит?

– Выходит, так! Успеется домой. Гони мимо. Так надо!

Митрофан согласно тряхнул лохматой папахой, несильно стеганул Маслака. Звонче зазвенел колокольчик. Сани быстрее покатались по снегу. Теперь они скользили по голой ложбинке меж сопок. До двадцать второй версты оставалось с полчаса ходу. Справа за ерником мелькнула впадина, где клубился паром незамерзающий ключ. Вода в нем с кислинкой. Непростая вода. Пояснял инженеру Покровскому Митрофан. Очень целебная она для организма.

Пока ехали до места, Алексей опять задремал, пригревшись в теплом тулупе. Открыл глаза, когда показалась насыпь полотна. Чуть дальше, у взгорка, чернело недостроенное жилье, о котором докладывал на совещании Зеесту.

Митрофан вопросительно обернулся.

– Остановись у барачков, – попросил Алексей, высвобождаясь из-под овчина. Конь бил передними копытами о снежный наст. Пахло дымом. Навстречу саням поспешил солдат с винтовкой.

– Не велено! – закричал он сипло, округляя глаза на замерзшем красном лице.

– Не поняли мы! – произнес сердито возчик, выбивая из снятой с головы папахи снежную пыль. Алексей, молча с интересом, смотрел на военного.

– Не велено никого подпускать! – настойчиво повторил солдат, начав шарить правой рукой по прикладу винтовки.

– Эть, паря, да ты от усердства-то никак голову потерял? – еще больше разозлился Митрофан. – Ружье-то опусти, башка твоя служивая. Это ж инженер Покровский. Самый главный тут начальник!

Солдат растерянно глядел то на молодого человека, одетого в черный бушлат с петлицами и блестящими металлическими пуговицами, то на бородатого деда в длинной дохе и лохматой казачьей папахе, крепко сжимавшего в руке кнут. Такой дьявол и по хребту запросто вытянет...

– Где ваше начальство?

– Там, – солдат повел взглядом в сторону леса, откуда цепочкой показались серые фигурки людей. Проваливаясь в глубокий снег, они медленно приближались. В руках несли охапки дров.

Алексей посмотрел на стоящего в нерешительности солдата с красным от хиуса лицом. Фигура сильно перетянута в поясе ремнем. Сбоку к Покровскому торопился из-за зимовья военный с золотистыми полосками офицерских погон на плечах. Солдат поспешил навстречу поручику:

– Ваше благородь, – козырнув, указал рукой на инженера, за спиной которого в трех шагах стоял Митрофан.

Приблизившись, офицер представился:

– Начальник команды поручик Ярошевич. С кем имею честь? – офицер разглядывал железнодорожную форму Покровского, мысленно пытаясь определить возможный гражданский чин.

– Начальник участка инженер Покровский. Алексей Петрович, – добавил после секундной паузы.

– Понятно, – кивнул поручик, снимая перчатку и протягивая руку.

– Будем знакомы, – ответил Алексей.

– А что же, и это все? – поручик окинул выразительным взглядом местность.

– Здесь недостроены зимовья, – пояснил Покровский, – а в версте отсюда расположен сам поселок строителей. Предписание относительно вашего прибытия поступило только что.

– Как?

– В буквальном смысле мне стало известно о нем два часа назад.

– Ох уж эта наша медлительность, – посетовал поручик. – Я рассчитывал, что для охраны хоть более-менее условия имеются.

– Комфорт дело наживное. Пока могу предложить вам стать на постой в моем зимовье.

– Благодарю, но мне не положено отрываться от личного состава.

– Тогда посоветую вам вон то зимовье, – указал Покровский на одно из строений. – Печь имеется, топлива предостаточно в лесу. Но что вы намерены делать с прибывшей партией работников?

– Право, не знаю, – задумался поручик.

– Хорошо! Завтра же направлю сюда лесорубов. Они быстро закончат жилища. Благо, неподалеку запасен лес. Так что скоро сможете обустроить здесь свой лагерь как положено. А пока людей придется разместить в другом месте.

– Где?

– В лагере строителей. На время те потеснятся.

Поручик продолжал о чем-то размышлять, оставаясь в нерешительности.

– Вообще-то не положено по инструкции.

– А если простудим людей? Что тогда? Их ждет и без того невероятно тяжелая физическая работа, – сказал Алексей. – Вообще, что за людей вы привезли? Откуда?

– Из Усть-Кары. Приходилось слышать?

– Приходилось.

– Контингент уголовный, но по статьям незначительным. Воры, жулики, мздоимщики. Словом, всякой твари по паре. Политических, сразу докладываю, нет.

– Сколько человек?

– С охраной семьдесят четыре.

– Хорошо. Как-нибудь устроим вас. Временно выделим отдельный барак, – успокоил поручика Покровский.

– Самохвалова сюда, – дал указание солдату Ярошевич.

Минут через пять подоспел унтер-офицер Самохвалов.

– Вот что, – обратился к нему поручик, – господин инженер предлагает нам вариант перекантоваться, что называется, у него в поселке путейцев, пока здесь достроят зимовья. После встанем лагерем на этом месте. Распорядись.

– Слушаюсь! – коротко козырнул унтер.

Пока Ярошевич разговаривал с инженером, арестанты принесли к зимовью охапки дров. При пасмурном безветрии из трубы медленно потянулся дым.

– Затопить успели, – заметил поручик.

Печь разгоралась нехотя. Дым валил в раскрытые настежь двери. Каторжные кашляли, поругиваясь незлобно меж собою.

– Что же делать? – спросил поручик, закуривая тоненькую папироску из блестящего портсигара.

– Надо двигаться до места, – пояснил Покровский. Будете следовать за нами. Вас лично приглашаю в возок.

– Самохвалов!! – крикнул поручик в сторону зимовья, у которого толпились арестанты. – Глуши печку. Едем в поселок!

* * *

«На строительстве Амурской железной дороги широко применялся труд каторжан. После подавления первой русской революции тюрьмы европейской части России были переполнены. Часть заключенных отправили на строительство «колесухи» от Сретенска до Хабаровска дальше до Николаевска-на-Амуре. После окончания строительства колесной дороги арестантов отправляли на строительство «железки».

Сначала робко и неохотно использовали подрядчики труд каторжан, но революционные волнения, забастовки и стачки вольнонаемных заставили отбросить всякие предубеждения об опасности работ с каторжанами. До самой революции трудились каторжане сначала на строительстве, а затем и на эксплуатации дороги. По официальным данным, в отдельные периоды на Амурской дороге работало более восьми тысяч арестантов. Позднее к работам помимо уголовных все чаще привлекали и политических.

Особенно крупный стан заключенных находился в Раздольном, что под Могочей. Здесь наряду с домами и бараками для арестантов и конвоя строились кирпичные сараи, бойни, поро-

ховые погреба, лесопилки, смолокурни, кузницы, сапожные мастерские. Каторжане выращивали картофель и овощи, сеяли пшеницу, разводили крупный рогатый скот. Там, где вольнонаемные не могли вынести условий труда, работали заключенные».

5

Снега за ночь навалило сугробы. Тяжелыми пластами он пригибал хвойные лапы вековых лиственниц. Мутные снеговые тучи уплыли за сопки, и к полудню распогодилось. На отполированном ветрами чистом льду реки заплясали яркие блики солнечных зайчиков.

В затишье глухой таежной чащи рядом с сопкой желтеет недавно срубленное зимовье. По самые оконца занесено снегом. За последние сутки метелью намело снега на тесовую, из толстых плах, дверь. Последний раз люди здесь были с неделю назад, еще до непогоды. А срублено зимовье по весне. Не прошло и года. Таптагирыканы поставили деревянное жилище затем, чтобы оно считалось последней стоянкой перед выходом на «железку», до которой отсюда оставался дневной переход на оленях. Обычно аборигены обходились, перемещаясь по таежным дебрям, на стоянках берестяными чумами. Но в иных местах рубили зимовейки, научившись этому у русских охотников с юга.

На «железке» пришлые люди, перекопав окрестности, насыпали кучи земли. День-деньской колотили они железом о железо. Имелись среди тех людей другие, одетые в черные куртки с блестящими, как монетки, пуговками. Их можно пересчитать по пальцам. А тех, кто с лопатами, пилами да молотками, как мурашей, полно.

Здесь, где находилось зимовье, был тупик для людской цивилизации. Сюда никогда не протянутся стальные нити железной дороги, за которую с огромным усердием несколько зим назад взялись русские. Здесь царствовал мир аборигенов таежного края, к которым относились и таптагирыканы, немногочисленное вымирающее племя. Ему было уготовано исчезнуть, когда державная земля расколется великой бурей, называемой революция...

...Главным погонщиком сегодня сам Чохты. Старик. Всклооченная борода. Потускневшие от преклонного возраста глаза, позволяющие, однако, бить из ружья белку с нескольких десятков сажень. Чохты – старейшина племени.

Основную часть пути он двигался пешком. Крепко держался рукой за небольшой сыромятный кусок, болтавшийся у ошейника головного оленя. Следом двигались остальные. Изредка на подъемах и спусках поскрипывали полозья нарт. В такт размеренному ходу животных позвякивали «ботала» – маленькие колокольчики, по звуку которых легко определить местонахождение оленьей упряжки.

Сейчас вереница насчитывала около полутора десятков нарт. Закутанные в дохи женщины. Спрятанные в глубине толстых мехов ребятишки. В кожаных мешках поклажа, состоящая в основном из вяленого мяса и мороженой рыбы, из которой делали строганину. На этот раз везли и мороженое мясо. Хотя обычно его с собою таптагирыканы не брали. Наедались от души, когда удавалось удачно поохотиться. Остальное вялили прямо в чуме, нарезаая мясо длинными лентами. Мороженое мясо сейчас предназначалось людям в черной одежде с «железки». Чохты знал, что там совсем худо с едой. Последний раз они виделись с начальником русских строителей ранней осенью, когда морозы еще не сковали землю, и надо было ждать ледостава на реке. Осенью, когда Чохты привез на оленях много рыбы русским, он видел у инженера Алеши диковинную вещь на цепочке. Часы. Такие же Чохты видел раньше у закупщиков-промысловиков, которым орочены сдавали пушнину. Часы, должно быть, стоили шибко больших денег. Инженер Алеша пообещал при следующей встрече подарить такие же. Но часы Чохты ни к чему. Он безошибочно определял время по солнцу, по собственной фиолетовой тени на снегу.

Много прожитых зим на счету старого тунгуса, как зовут его знакомые русские. Много весен, буйных и теплых. Много жарких и знойных, дурманящих обилием трав и цветов, обильных надоедливими паутами и комарьем, лет. Правда, дурман тот пьянящий с каждым новым приходом весны угасал.

Отчетливо помнит Чохты давние события. Значит, не совсем еще притупился его ум от сложенных вместе годов. Чохты помнит и сравнивает. Сравнивая, качает головой. Тихонько, чтобы не мешать другим, разговаривает с оленем или близкой птицей, опустившейся рядом на ветку дерева или валежину. Одного трудно понять старику, отчего люди в черной одежде не требуют с криками шкур и рогов, не поят мужчин племени огненной водой и сами остаются трезвыми и благоразумными? Мирно беседуют у костра? Почему безразличны они к женщинам племени? Не забыть Чохты щедрости начальника, что хотел даровать свои диковинные часы в металлическом корпусе с тонкой цепочкой. Вместо огненной воды заплатили Чохты за работу таким необходимым товаром, как порох, припасы, соль. Как здорово все это пригодилось позже, в начавшийся промысловый сезон!

Что за эти люди с «железки»? Новые люди. Хорошие люди. Царь русский далеко. Бог высоко. Самые условия этим пришлым быть вольными в своих действиях... Эти пришлые – добрые люди.

Подергивая за сыромятину, что крепилась к ошейнику оленя, Чохты начал приостанавливать нарты.

– Шох, шох! – старик крепко сжимал сыромятину, чтобы остановить головного оленя. Тот, повинаясь, повел головой, шумно вдыхая влажным черным носом морозный воздух.

Чохты осмотрел упряжь. Скрипя настом, сзади подошел Тохтороты, глава первой семьи, что двигалась следом.

– Пошто встал? – спросил старейшину, шевеля толстыми, слегка вывернутыми губами. – Што? Развязалось? – Он смотрел, как Чохты неторопливо обошел оленя с другого бока. Вместе затянули покрепче ослабленную упряжь. Тохтороты вернулся к своим нартам и громко объявил остановку на отдых. Люди в обозе зашевелились. Женщины стали вытаптывать снег, подготавливая место для костров. Мужчины отогнали оленей в сторону густых зарослей ерника. Под защиту от ветра. Уставшие олени губами касались снега, слизывая холодную влагу. Животные разбивали копытами наст, добираясь до осенней прошлогодней травы.

Нащипав бересты и наложив валежника, женщины развели два больших жарких костра. Возле одного позже устроятся мужчины. У второго – женщины с ребятишками.

Заплакал младенец. Молодая смуглая таптагырыканка кормила ребенка грудью, загордившись от ветра пушистой кухлянкой. Запахло дымом. Костры разгорались. Снег вокруг них быстро таял. Вблизи жаркого пламени, жадно лизавшего сухие ломаные сучья, из-под растаявшего наста плешинами показалась пожухлая трава, желто-серая прошлогодняя хвоя. В большом закопченном казане закипала вода. Женщины бросили в нее мелкие кусочки сушеной чаги.

Чохты подошел к костру. Ткнул пальцем в казан. Поморщился. Женщины поняли. Старейшине не нравится, что чай из талого снега. Взяв ножи и кожаный мешок, две девушки отправились на поиски льда. Питье из пресного снега Чохты не любил, хотя многие из его племени давно привыкли к такому вкусу. Чохты мог обходиться вареным мясом без соли. Такое часто случалось в его длинной жизни. Но чай непременно должен быть из воды, взятой либо в реке, либо в озере, а еще лучше – в ключе. Девушки вернулись скоро. Они отыскали лед в сотне метров от табора. Накололи в перемерзшем ключе среди больших камней куски льда, сложили в мешок. Подойдя к костру, ссыпали из мешка в казан. В пламя полетели толстые ветки.

Мужчины уселись кружком вокруг второго костра. Достали трубки. Принялись набивать табаком. Табак на исходе. Мужчины старались не просыпать ни крупинки. О чем-то оживленно разговаривали вполголоса. Люди племени не терпели громких фраз, чтобы не тревожить спящую под покровом снега тайгу. Разве что во время праздников, когда начинались игрища, то есть, поединки в ловкости и стрельбе, да еще при проведении брачных обрядов все стойбище

оживало, становилось столь громкоголосым и шумным, что близкий зверь замирал в глухой чаще, настороженно слушая непонятные звуки.

Чохты не спешил возвращаться к мужчинам. Он задержался рядом с Торочей. Своей молодой жены. Она сидела, подогнув под себя ноги, на разостланной козьей шкуре, пристально глядя на огонь. Рядом попыхивали трубками остальные женщины, которые оказались свободными от хлопот, связанных с приготовлением пищи.

Два года, как ушла в мир предков старая Анико – первая жена Чохты. На десять зим был старше Анико старик, однако, пережил ее и, спустя время, которое позволило как-то притупить чувство острой утраты Анико, он женился во второй раз. Тороча моложе мужа на тридцать зим. Старый Чохты понимал, что разница в тридцать зим – большая разница. С прошлой весны она стала его новой спутницей жизни. Он привел молодую жену из соседнего стойбища. Со старейшиной того рода Чохты знаком давно. Очень давно. Охотились вместе еще по молодости. Для таежных людей это многое значило, когда знали друг друга еще молодыми. Тогда они были резвы на ноги, имея сильное мускулистое тело и зоркий глаз. Безбоязненно выходили один на один с диким кабаном, имея в крепких руках только пальму – привязанный к длинной палке широкий острый нож. Трудно было в тайге. Шибко трудно. Не хватало припасов. Почти не имелось огнестрельного оружия. Пропитание добывали с помощью примитивного оружия – лука со стрелами. Много общих памятных эпизодов связывало Чохты с тем старейшиной. Это и решило исход в пользу старого друга. Перекочевав на стойбище Чохты, Тороча стала его женой. Когда это произошло, взрослые сыновья старика, дети старой покойной Анико, перестали разговаривать с отцом. А в середине лета, не дожидаясь осеннего сезона, после проливных дождей по большой воде уплыли из родного стойбища на оморочках вниз по течению Олекмы. Отцу заявили, что будут охотиться эту осень самостоятельно. Чохты не стал удерживать сыновей. Он все хорошо понимал. Выходя на берег реки, подолгу смотрел на быструю воду. Переводил взгляд на затянутые синей дымкой сопки по другому берегу. В уголках его старческих глаз блестели слезинки. Тороча видела одинокую, чуть ссутуленную спину мужа, не решаясь приблизиться. Она знала, в эти минуты ему легче побыть в одиночестве со своими мыслями...

Старик не стал задерживаться у костра. Тронул за плечо молодую жену. Та молча повела взглядом от пламени костра и опять уставилась на огонь. Чувствуя на себе взгляды остальных женщин, Чохты вернулся к мужчинам. Вынул трубку. Долго набивал ее табаком. Старик не злился на сыновей, на Торочу. Он понимал, что разница в тридцать зим – большая разница...

6

В жилом бараке путейцев жарко натоплены печи. По краям колченогого дощатого стола такие же длинные лавки. Люди лежат на нарах. После сытного мясного ужина тянет на сон.

– Спасибо нашим командирам, – поглаживая живот, благодарил Покровского и Северянина один из рабочих. – Ладненько они сговорились с тунгусами. А то совсем на пшенке да перловке отощали. Так и спина к животу прирасти может.

– Живот к спине, – поправил того сосед по нарам

– Какая разница...

В такой вечерний час тема для неспешного, пока вовсе не разморит от тепла, разговора одна, какой сложится жизнь после окончания строительства железной дороги. У многих мечтой было поднакопить денег и податься обратно, домой, в теплые по сравнению с Забайкальем края. Кому – в Тверскую губернию, кому – в Костромскую.

– Зима, поди, лютой будет, если до крещенских морозов такая холодрыга уж стоит? – продолжал тот, что говорил благодарно об аборигенах. Заголив брюхо, пятерней почесывал дряблую кожу. Волосы длинные и жирные. Сосульками топорщатся на оттопыренных ушах. Взлохмаченный чубина лезет в глаза.

– Баньку бы щас, – вздохнул его сосед, которому тоже захотелось почесаться. Сильно зудилось меж лопаток. – Пополоскаться бы всласть. Да веничком. Хошь березовым, хошь дубовым поиграть по костям. Шкура-то скоро так задубеет, что ничем не распаришь.

– Ишо крепче ударят морозы на Крещение, – не слушая соседа, повторял первый, который костлявый и с дряблой желтой кожей. – Он скосил глаза на затянутое толстым ледяным блином окошко барака.

– Оно бы лето, так можно и без бани. На кой она, если воды в речке течет сколь хошь. Намыливай башку и ныряй себе, – продолжал банную тему широкоплечий мужик, лежавший на спине. На его мускулистой покатоной груди покоились руки-клешни. Мужик был мастак по зашивке железнодорожного полотна. Никто из бригады не мог угнаться за ним в сноровке ловко и без брака забивать костыли путейским молотком.

– Не скажи, – возразил ему кто-то с соседних нар, – речку с баней никак не сравнить. В речке что? В речке можно только пот сполоснуть в жаркий день. А в бане-то, милоч, на коже поры раскрываются, и весь нечистый дух вместе с грязью скатывается.

– Чего? – не понял любитель купания в речной воде. – Какие ишо такие поры?

– Ну, ты присмотришься хорошенько к своей шкуре-то немойтой, может, и разглядишь, что она вся в мелких-премелких дырочках. Они и есть поры...

Входная дверь вдруг отворилась, и из сеней в облаке морозного пара появились две фигуры.

– Вечер добрый! – стягивая шапку с головы, сказал Покровский. Рабочие заподымали лохматые головы. Некоторые стали опускать с нар ноги на пол, нашаривая обувь.

– Лежите-лежите. Отдыхайте, – махнул рукой Алексей Петрович. – Мы тут со старшим десятником на огонек решили к вам заглянуть. Дай, думаем, поглядим, о чем думу думати на сон грядущий.

– А мы, господин инженер, давеча только что о вас вспоминали.

Добрый словом или как?

– Ясно дело, что добрым. Порадовали мясной кормежкой. Всегда бы так.

– Всегда, братцы, не получится, рассмеялся Северянин. – Подфартило за счет наших старых знакомых

– Тунгусов?

– Из самых. Только правильной их называть таптагирыканами. А еще тут неподалеку есть и кендагирыканы...

С приходом в столь поздний час начальства путейцы оживились. Куда и сон у многих девался, хотя кто-то все-таки уже храпел. Покровский и Северянин, расстегнув крючки полушубков, присели на лавку ближе к свету керосиновых ламп.

– Мы вот с Алексеем Петровичем решили такую штуку вам предложить, – начал изда-лека старший десятник. – Решили мы, значит, предложить вам построить баню. Настоящую. С каменкой и полком. Правда, сейчас, зимой, с вениками туговато, да ничего, найдете какой-либо выход, если хорошенько покумекаете.

– Вы, Куприян Федотыч, будто под дверью стояли, и наш разговор слушали, – удивились мужики.

– Какой разговор?

Да все о том же, о чем и вы только что сказали, о бане.

– Ну? Что я говорил? – Северянин хитро глянул на Покровского. – В самый аккурат состоялся разговор о необходимости банного дела. Да и вообще смысл данного предприятия очень даже очевиден. Надо бы в порядок, мужики, себя привести. Пусть с бритьем дело муторное, но хотя бы постричься. Вшей бы не напарить...

Рабочие оживились. Загалдели, зашумели. Начали спорить, у кого в какой губернии, в какой конкретно деревне лучше бани рубятся и каким образом топятся.

– А что, братцы, чаю найдется? – громко спросил Северянин, выждав, когда страсти по поводу предстоящего строительства бани немного поутихли.

– Как же не найдется, Куприян Федотыч?! – уважительно отвечали хором мужики. – Эй, несите бачок с плиты. Она ишо горячая. Чего-чего, а чаги у нас всегда в достатке. Целебная вещь, Куприян Федотыч!

– Знаю, знаю, – усмехнулся Северянин и пригласил всех желающих к столу. Он аккуратно положил на середину большой бумажный кулек. Осторожно потряс его. Бумага развернулась, и высыпались белые кубики рафинада.

– Вот вам гостинец, братцы. Алексей Петрович ездил в Могочу в дистанцию. Привез в честь, так сказать, успешного завершения очередного отрезка пути на двадцать второй версте. Как говорит наш инженер, выходим на финишную прямую. Впереди тоннель. Монтировка в нем рельсошпальной решетки – дело чрезвычайно ответственное.

– Ничего. Сработаем. Лишь бы тоннельщики не подвели.

– Проходка сделана, кажись, на совесть. Только бы облицовщики не просчитались с качеством раствора при обделке нутра.

– Так, поди, не первый раз с раствором они знакомы. Так же, как и ты с путейским молотком.

– И то верно. Хотя тут молоток бери да колоти, а там гора над головой. Ее, грузонепомерную, так укрепить надобно, чтобы на долгие годы незыблемость каменной кровли обеспечить...

Откусывая от рафинада крохотные кусочки и смакуя сахаринки, мужики с превеликим удовольствием принялись чаевничать.

– Позвольте спросить, Алексей Петрович? – обратился к Покровскому самый смелый.

– Ну? – просто и по-свойски отозвался тот, отпивая из горячей кружки мелкими глоточками горячий отвар.

– Правда ли, что государь после окончания строительства землю пожалует всем, кто из крестьян?

– На сей предмет конкретно ничего не могу ответить, но жалованье по расчету обещается приличное. Казна не поскупится. Сможете, кто пожелает, и корову завести, и лошадь купить. Вы и сейчас не в обиде, верно? Хотя и деньги, бывает, задерживают. Однако многие умудря-

ются и подэкономливать. Питаются из общего котлового довольствия, предпочитая в лавку не ходить. О спиртном же и речь не идет...

– Никак нет. Не в обиде, – согласно закивали бородами рабочие.

– А ссыльным, говорят, будет свобода дарована?

– Про тех сказать чего-либо пока невозможно, – ответил Покровский. – Смотря, каким ссыльным. Преступники обязаны отбыть свое наказание по всей строгости.

– Это верно, верно, – опять согласились мужики.

– Хотелось бы вот о чем поговорить, – произнес Покровский, отставляя кружку. – Здешние земли не освоены. Многие, вероятно, захотят остаться здесь на службу после ввода железной дороги в эксплуатацию?

– Куды на службу?

– Чудак человек! – рассмеялся Северянин и ответил за Алексея Петровича. – Кто же будет, по-вашему, магистраль в будущем обслуживать? Думаете, построим ее – и все, шабаш? Нет, братцы, вам ее строить, вам и обслуживать...

– Оно, конечно, дело заманчивое, – отозвался один из мужиков, зная, вербованный из какой-либо западной дальней губернии. Лапотник, как звали переселенцев местные забайкальские рабочие. – Остаться здесь можно, кабы не морозы.

– Что вам морозы? – удивился Северянин. – Да вы покуда пробиваете эту дорогу сквозь дебри и сопки, совсем привыкнете к морозам. Иль еще не привыкли? Подождите, вспомните мои слова. Пройдет время, и многих из вас обратно на запад в свою деревню калачом не заманишь. Кто молодой, тот женится. Кто по причине личной одинок, тоже здесь хозяйку сможет найти. Я уж не говорю о тех, кто с семьями сюда перебрался. Те, однозначно, осели в здешних краях навсегда. И еще, как говорится, пустят здесь корни. Сейчас, не спорю, тяжело. Скоро станет легче. Главное, одолеть «железку». Соединить два конца, которые стальными нитками сюда с востока и запада тянутся. Потом устройтесь, братцы, на путевские околотки да станции, а кто, глядишь, и на машиниста выучится, кто-то в кочегары на паровоз пойдет, кто еще куда.

– Эка, куда вы хватили, Куприян Федотыч, – пряча улыбку в седые усы, проговорил Ерофей, самый старший среди путейцев. Уж если ему очень даже по душе пришлись слова Северянина, то, что говорить о молодых, которые во все глаза смотрели на старшего десятника, на инженера Покровского, ожидая, о чем они еще им скажут-расскажут, какими благими пожеланиями согреют?

– Господин инженер, а насчет обвала в тоннеле можно спросить?

– Любопытный вы народ, – став серьезным, опять ответил за Покровского Северянин. – Откуда про то узнали?

– Сорока на хвосте весть принесла.

– Действительно, обвал был.

– И многих задавило?

– Не задавило, а завалило, – поправил Северянин.

– Откопали?

– Откопали, – ответил уже Покровский.

Повисла тишина. Кому-то, видимо, стало неловко за неуместный вопрос. Самый смелый и говорливый из мужиков виновато пожег плечами.

– Заболтали, однако, гостей-то, – прервал паузу Ерофей, – и про баню забыли.

– Ничего не забыли. На днях и займемся. Ты, Ерофей, прикинь, кто из нас самый сметливый по части срубов.

– Правильно. Сами определите людей, – добавил к сказанному Северянин. – В ближайшее воскресенье и начинайте. Материал есть. Отсюда перебазируемся, оставим баню во благо другим.

В печах трещали мерзлые, только что принесенные с улицы и подброшенные на красные уголья дрова. Печи в бараке топились ночь напролет. За этим по графику следили дежурные истопники.

– Тесновато здесь, – заметил Покровский.

– У нас ничего. У соседей один на одном сидят, – пояснил Ерофей. – Опять же, просторный барак рубить – холоднее будет. Вон у арестантов все углы изнутри от инея белые.

– В тесноте, как говорится, да не в обиде, – подметил кто-то рядышком.

– Ничего, братцы, потерпеть надо. Все это временное явление. К тому же все мы здесь по своей воле, так?

– Так, так, – опять кивали бородами рабочие, устраивая после сладкого чаепития перекур. – Мы-то, ясное дело, по своему желанию. Причины, правда, разные, но силком никто сюда никого не тащил...

Барак освещался плашками и лампами. Рабочие берегли керосин, стараясь пользоваться самодельным освещением, делая фитильки, которые пропитывали жиром. Обычно спать ложились рано. Это сегодня вечер затянулся. Не каждый день заходят на огонек начальники.

Расстались Покровский и Северянин с гостеприимным жилищем строителей поздно. На улице – полнолуние. Светло. Видны деревья вблизи поселка, черный кустарник. И звезды от лунного света в такой вечер мерцали слабее, чем в обычные морозные ясные ночи.

* * *

«В самом начале 19 века по данным переписи населения в Забайкалье насчитывалось 664 тысячи человек. Из них в сельском хозяйстве было занято 560 тысяч. В Чите проживало около одиннадцати тысяч жителей. На протяжении многих километров от Читы к востоку простиралась безлюдная местность. В горной промышленности, например, было занято несколько тысяч человек, прииски разбросаны по всей губернии. В обрабатывающей и пищевой промышленности насчитывалось 64 «карликовых» предприятий, на которых трудился 241 человек. Они вырабатывали стекло, мыло, кирпич, свечи, кожи, пиво ежегодно на сумму до 100 тысяч рублей.

Подрядчики набирали для строительства Транссибирской магистрали людей в беднейших губерниях европейской России. Свозили завербованных в порты Черного моря. Медленно проходили пароходы длинный путь по морям и океанам до Владивостока.

На постройку железной дороги в Сибири двинулись из Смоленской, Витебской, Минской, Гродненской и других губерний крестьяне и рабочие, обнищавшие у себя на родине. Одновременно вербовщики, наобещав золотые горы, рыбу, которая сама выходит на берег, земли непаханные и леса вековые, везли партии голодных и оборванных людей на Амур. За каждого доставленного на строительство рабочего вербовщики получали денежное вознаграждение. По Великому Сибирскому пути люди ехали без билетов за счет казны до Сретенска, а дальше – по Шилке и Амуру на пароходах «Урюм», и «Василий Поярков», «Адмирал Макаров», «Дунай». Пароходы принадлежали управлению строительства дороги. По рекам до контор строительных участков завербованных также везли бесплатно.

Выходцы с равнин Центральной России удивлялись красоте берегов рек Шилки и Амуре, неожиданно быстрым подъемам и спадам воды, богатству станиц забайкальских и амурских казаков. Когда проходили мимо Горящих гор, изумлению не было границ – огромные обрывы подступали к самой воде Амуре, из земли поднимались вверх столбы и целые стены дыма, ночью же горы дышали пламенем, освещая местность, как днем. Старожилы на пристанях рассказывали, что горит здесь подземный уголь с незапамятных времен. То утихает пожарище, то снова бушует с невиданной силой.

От речных пристаней цельной тайгой, по звериным тропам партии будущих строителей пробирались на участки работ пешком. Болотистыми марями и через каменные, скалистые нагромождения горных хребтов брели усталые путники.

На строительство Амурской железной дороги с пристаней на Шилке и Амуре непрерывно поступали рабочие, доставлялись продовольствие, металлические изделия, цемент, доски, шпалы. На пристанях, чуть поодаль от причалов, рабочие собирали и ставили на колеса железнодорожные платформы и крытые вагоны, вели клепку мостовых конструкций, а на баржах и плотах прибывали все новые и новые грузы. На станции Кокуй Забайкальской железной дороги на берегу реки Шилки раскинулись крупнейшие после Читы головные мастерские Амурской железной дороги. Работа в них шла круглые сутки. Рядом с мастерскими стояли жилища рабочих, а подальше – «кокуйские холерные бараки», где проходили карантин несколько тысяч вербованных рабочих и переселенцев. Здесь же ожидали подхода пароходов и барж те, кто прошел фельдшерский контроль. Они были готовы отправиться вниз по реке к конторам строительных участков, чтобы приступить к долгожданной работе.

Зачастую пешком добирались вербованные до места назначения, высадившись с барж на пристанях, и в непроходимой тайге мастерили на скорую руку шалаши, землянки, ставили палатки, копали колодцы. Разумеется, большие многолюдные потоки переселенцев и вербованных текли с западных губерний в Забайкалье по теплу, по поздней весне и летним месяцам. С наступлением холодов, этот процесс приостанавливался и замирал до окончания зимы, а с наступлением весенней распутицы вновь отправлялись в привычный путь вербовщики, поднаторевшие в своем деле, дабы спустя полтора-два месяца вернуться с очередной партией западников».

7

Смена караула в шесть часов вечера. На плацу перед зданием тюрьмы выстроилась шеренга солдат. С распадка тянет ледяной хиус.

Левофланговый малорослый солдат, ежась от холода, пытался спрятать стриженный затылок в колючий жесткий воротник шинели.

Вдоль строя медленно двигалась черная грузная фигура начальника тюрьмы. Рядом шел комендант гарнизона. Начинался инструктаж караула, заступающего на посты.

– Твои действия, если видишь арестанта по другую сторону ограждения? – обращается один из них к малорослому солдатику, уроженцу Пензенской губернии.

– Как велит устав, ваше благородие! – разжимая сведенные холодом челюсти, отвечает пензяк.

– А как велит устав? – набычилось благородие на служивого. Не дав ответить, грозным голосом произнесло: – Устав царя Отечества велит стрелять. И стрелять без промаха. Ясно?

– Так точно, ваше благородие! – как можно громче и бодрее ответил караульный.

Главный жандарм Раздольненской каторжной тюрьмы мрачно вглядывался в красные от мороза лица солдат-первогодков. Многие из них еще не знали ни бритвы, ни женщин. На скулах индевел мягкий пушок. Закончив обход караула, он отошел от строя и, встав перед ним во фронт, махнул рукой. По команде коменданта начальник караула повел солдат в караульное помещение. Через десять минут, облачившись в длинные до пят собачьи дохи и переобувшись в громадные серые катанки, караульные заступили на внешние посты.

В полуверсте отсюда в поселке на трассе строящейся «железки» квартировали казаки. Им жилось привольнее, чем солдатам. По-настоящему приходилось «работать» при поимке беглых. Прочесывали окрестности по лесным тропам, но в тайге искать человека все равно, что иголку в стоге сена.

...В сумраке казематных коридоров со скрипом и лязгом отворялись железные двери темных затхлых камер.

На вечернюю прогулку выхо-ди-и!

Арестанты поднимались по каменным ступеням и через тамбур-сени попадали на улицу.

После душного помещения на свежем воздухе кружилась голова. Несмотря на мороз, люди каждый раз с нетерпением ожидали вечерней прогулки. Перед зимней ночью, наполненной вонью тюремного жилища и клопами. Насекомые приносили немало страданий. От постоянных укусов страшно чесалось тело. Днем клопы обитали в щелях между кирпичами. В местах, где отвалилась штукатурка. Скапливались в арестантских постелях.

– Голь на выдумки хитра, – говорили люди и замазывали щели в стенах черным хлебным мякишем, казалось бы, замуравывая кровососов в собственной клоповной обители. Но толку было мало.

– Ишь, как вызвездило, – глядя в черное, ярко мерцающее звездами, небо, проговорил кто-то. – К утру мороз жажнет.

– Лице свое скрывает день,

Поля покрыла, мрачна ночь,

Взошла на горы черна тень,

Лучи от нас склонились прочь.

Открылась бездна, звезд полна,

Звездам числа нет, бездне дна, – цитировал Ломоносова другой арестант.

– Астрономия, – произнес третий, худой и долговязый, обратив к небу острый кадык. – Астро-но-мия, – повторил снова. – Красота, однако ж, братцы...

– Эй, ученый, – недовольно прохрипел чей-то голос, – скоро, ядрена муха, до блевоты налюбуйешься на этакую красоту!

– Это почему же?

– А потому. Скоро нас всех на тоннель загонят. Вместо тех, кого намерен задавило... Сменщики мы...

– Чего столпились як бараны? А ну, становись по двое! – гаркнул рядышком выводной надзиратель.

Хрустя по утопанному насту, люди неспешно выстраивались в две шеренги.

Напра-во! Ша-а-гом арш! Веселей!

Арстанты двигались потихоньку по кругу.

– Вымораживайте блох, мать вашу так!!

В Раздольненской тюрьме содержатся и уголовные, и политические. Регулярно отсюда направляют на железную дорогу.

– Уж лучше в тоннель, под камень, чем здесь клопов кормить! Живьем сожрут заразы, – рассуждал кто-то стонущим голосом, укладываясь спать.

– Ладно. Опосля будешь гутарить, где лучше, где хуже, – оборвали стон страдальца соседи. – Здесь хоть в тепле. Вон, какие стены толстые. И дров для печей не жалеют. А там? Бараки да костры. В бараках-то, поди, ветер гуляет.

– Убегу, а в тоннель не согласен. Дудки. Нету дураков, чтобы в полном здравии под сопку лезть.

– Дурья башка. Барабан... Куды бежать-то? Одни сугробы. Зверье кругом. Я так скажу, – чей-то смелый голос с соседних нар понизился до шепота, – если и бежать, то прежде надо тепла дожждаться. Приказа генерала кукушкина, значит...

– И-и... Тепла, – передразнил кто-то, опять невидимый голос, с иронией. – Покуда весна да лето настанут, загнемся к чертям в каменоломнях треклятых. Вот просека – другое дело. Я ведь до того, как сюды этапом прийти, просеки рубил под Читой.

– А сюды за что угодил?

– А за ни за что, – говоривший зашелся в надсадном кашле. Долго отхаркивался то ли в тряпку, то ли на пол. Отдышался: – Бумажки запрещенные нашли у одного из сотоварищей. Шибко запрещенные.

– А ты при чем?

– Под моей постелью нашли.

– И что?

– Загрели вместе.

– И за чужие бумажки?

– Говорю же, шибко запрещенные. Да и сотоварища негоже одного в беде бросать.

Собеседники по нарам замолчали.

– А где он теперь? Друг-то?

– Разошлись потом пути-дорожки. Заболел он. Слег в лазарет. Расстались в Сретенске, – говоривший опять закашлялся.

– Да у тебя, брат, никак чахотка? Ишь, как легкие наизнанку выворачивает, – другой сочувственный голос. – Вот тебе и просека...

– Нет. При чахотке больные подкашливают, а у этого, поди, простуда, не более, – возразил кто-то знающий по части тюремных хворей.

– Кон-чай разговоры! Всем отбой! – прогремел бас коридорного надзирателя.

* * *

Яркие лучи январского солнца больно слепили глаза. Люди зажмуривались. Огромные снежные с темными плешинами скальных выступов сопки словно казались ближе. Воздух чистый и свежий. Небо бездонно-голубое. Ни облачка.

Далеко окрест слышны голоса. Колонна арестантов в количестве сорока человек сразу после завтрака вышла с тюремной территории, удаляясь от Раздольного в тайгу. Вскоре маленький разъезд, притулившийся у подошвы громадной сопки, скрылся за деревьями. До места строительства, где надо было ломать скалу, прорубая выемку, напрямую верст десять. Казаки, конвоирующие колонну, решили срезать путь, двигаясь едва приметным в редколесье маршрутом.

Старший конвоя хорунжий Микеладзе. Сверкая из-под лохматой папахи карими глазами, он то и дело привставал на стременах. По плоским скулам перекатывались бугорки. Хорунжий был не в духе. В служебном предписании, присланном ему два дня назад, значилось лично сопроводить партию арестантов для производства работ на тридцатой версте. А за себя оставить в Раздольном подхорунжего Сокольников. Черт бы побрал это начальство. Почему не наоборот? Сокольникову сопровождать, а Микеладзе остаться? В конце концов, в расположении тюрьмы находится большее количество каторжан, за которых в первую очередь отвечает он, командир полусотни хорунжий Микеладзе, а не подхорунжий Сокольников!

Кавказец сумрачен и зол. Он боялся мороза. Холода сибирские ему, как он сам полагал, были противопоказаны. К иронии же, как он считал, немилостивой судьбы который год служил в Забайкалье. И не предвиделось пока каких-либо перемен в службе относительно географии ее прохождения. А к трескучим морозам, жестокому наказанию человечества, так и не мог привыкнуть.

«Вон, какая яшень! К ночи непременно прижмет. Лишь бы зимовья на трассе были в порядке. Велю натопить, чтоб черту жарко было», – тешил себя мыслью Микеладзе. От белизны свежего снега, под которым едва угадывалась узкая то ли дорога, то ли просто тропа охотничья или пробитая изыскателями, ломило глаза. Хорунжий все реже оборачивался, надеясь теперь исключительно на бдительность своих подчиненных.

С обеих сторон сопки. Густая хвойная тайга. Глухомань, да и только. Какие могут быть неожиданности от бредущих по глубокому снегу арестантов. Время от времени казаки поторапливали: – А ну, пош-ше-веливай!

Отряд убыстрял шаг, но через сотню метров движение опять замедлялось.

* * *

С высоты заснеженного перевала взору открывалась огромная чаша-марь, сплошь покрытая черными оспинами кочек, с которых ветер смел снег. На окраинах мари темнел ерник. Вся она пересекалась земляной насыпью, которая упиралась в мощный кряж хребта. И там, в скальных откосах его, чернела большая дыра. У зева будущего тоннеля множество черных фигурок, что муравьями копошились по обе стороны входа и на насыпи – полотне железной дороги. В стороне громоздились отвалы колотого камня, который вывозили из проходки в тачках и опрокидывали под откосы. Место здесь топкое, весной непременно произойдет большая осадка, щебень понадобится для подсыпки полотна.

Пронзительное ржанье измученных тяжелой работой и недостатком фуража лошадей. Покрытые словно густой мыльной пеной, они рвали построжки, упираясь копытами в каменный грунт, тянули в упряжи большие куски породы весом по десятку и более пудов каждый.

На прошлой неделе в сотне саженей от восточного выхода, называемого порталом, произошла осыпка грунта, и затем – выпады породы. Ее растаскивали полсутки, высвобождая задавленных проходчиков.

Внизу, у подошвы сопки, в редком соснячке, лагерь строителей. Бревенчатые срубы-зимовья для рабочих-железнодорожников. Эти жилища западники называют бараками, для их

слуха пока что непривычно слово зимовье, как говорят местные. Поодаль – у скальных выступов сопки – желтое из ошкуренных бревен строение – жилище для подневольных арестантов.

...Вечереет. Дымятся многочисленные костры. Мороз крепчает. Кирка, отложенная в сторону, быстро белеет. Дым от костров стелется по земле, ест глаза. Стягивается морозный туман. Густой и вязкий. Неясные очертания человеческих фигур. Тесно обступив каждый костерик, люди тянут руки к пламени, стараясь за короткий передых вобрать в себя как можно больше тепла. От многократных усилий и напряжения во время работы одежда пропитывается потом. Пройдя сквозь сукно, он застывает на спине ледяным коробом.

Особенно холодно в ледяном гроте тоннеля. При тусклом освещении чадающих факелов, воткнутых в расщелины еще не обработанных каменных стен, мерцает мириадами ледяных иголок изморози гигантское нутро тоннельного коридора. Тысячи и тысячи пудов каменной породы отколото и сложено в тачки и волокуши, вывезено из подземелья наружу.

В казарме тяжелый дух. Еще хуже, чем в Раздольненской тюрьме. Все пропитано сыростью. Кислая вонь исходит от прелых портянок. Ими сплошь залеплены все печки, сложенные из дикого камня. К постоянной прелости и запаху грязной одежды, невымытых человеческих тел привыкли и арестанты, и надзиратели. Помещение поделено на отсеки дощатыми перегородками. В каждом из них до тридцати человек. На нарах – набитые с осени соломой тюфяки. Подушек и одеял нет в помине. Их заменяет какая-либо скатка из одежды. Укрывались каторжные суконными полушinelями. В начале казармы закуток для дежурных надзирателей. На окнах решетки. Печки в казарме топили согласно дежурству истопники из арестантов. Отбой в девять, подъем в семь. Работы начинались с восходом солнца, завершались с наступлением сумерков, это около пяти часов вечера. На обед отведено полтора часа, чтобы успеть, хоть немного отогреться, подсушить обувь, кто у костров, кто у печек в казармах. Летом рабочий день удлинялся.

Охрана менялась каждую неделю посменно. Службу несли и солдаты, и казаки-конвоиры, сопровождавшие партии каторжных. Страдания хорунжего Микеладзе не окончились после того, как сорок арестантов были доставлены к тоннелю. Еще не отбыв обратно, он узнал, что надлежит ему прямым ходом в составе конного разезда следовать обратно в Раздольное, чтобы оттуда доставить сюда очередную партию подневольной рабочей силы.

Послав ко всем чертям вестового, хорунжий тут же снарядил гонца за спиртом к китайцу Ю-сун-фе, якобы для лечения от простуды личного состава. Сославшись на высокую температуру, улегся в казачьем зимовье, велел навалить на себя кучу полушубков, про себя же надеясь хорошенько выспаться, прежде чем привезут спирт. А казаки, пока болен командир, были включены в наряд по несению караульной службы на тоннеле.

– Ну что, брат, где больше выгода? На трассе или в тоннеле? – спросил вечером перед отбоем Ивана Бурова сосед по нарам. Буров не ответил. Удобнее подложив под голову скатку, лежал молча на спине, закрыв глаза.

– Господь один и знает, где лучше, – суетливо укладываясь рядом, обронил маленький тщедушный человечиска с клоками рыжей щетины на впалых щеках. Суеверно перекрестясь, он, наконец, улегся и продолжил: – Вот ведь господня воля какая... Одним мед, другим – помет.

– Несправедливая она, – глухо отозвался Буров, – никудашняя, одним словом...

Человечишку передернуло. Он моментально оказался на боку, спиной к Бурову. Приподняв через минуту всклокоченную голову на тонкой цыплячей шее, зыркнул по сторонам, потянувшись худыми плечами, замер.

Кивнув на спину рыжего, другой сосед по нарам обратился явно к Бурову:

– Вот и все так. Каркают, уповая на судьбинушку и ожидая милости. Правда, не зная от кого...

Буров не ответил. Казалось, он уже дремал. Пристально поглядев на него, сосед глубоко вздохнул и тоже принялся удобнее укладываться на жестких досках.

– А меня Тимофеем кличут. Брагиным, – как бы, между прочим, произнес он. – А то кайлим целый день рука об руку и не знаем, как звать друг друга.

Буров открыл глаза. Повернул лицо. Улыбнулся:

– Спи, Тимофей. Сил надо набираться. С утра опять на тоннель. Буров я. Иван Буров.

– Ага, – Брагин тоже улыбнулся, показав крупные белые зубы, что было редкостью среди этих людей, которые находились сейчас в казарме.

Прошло минут пять. Брагин приподнялся на локте:

– Вот, значит, и познакомились. А? Спросить можно?

– Валяй.

– Извиняюсь, из каких ты будешь, Иван?

– Из политических, – быстро ответил Буров.

– Так и знал, – выдохнул, смутившись, Брагин.

– Почему?

– Не знаю. Чутье, наверное. Ну, давай руку, – Брагин протянул широкую ладонь.

Буров, глядя с интересом на соседа, пожал твердую, как камень, ладонь. Он чувствовал, что тот хочет еще о чем-то спросить, прозвучала команда дежурного надзирателя к отбою.

* * *

В чреве тоннеля скрежет и лязг. Глухие удары кувалд по клиньям.

– Гонят и гонят разбойники, – вполголоса ругался Тимофей, опуская тяжесть колотого камня в тачку. – Торопятся. Должно быть, государю надобно скорее выйти к океану.

– Аккуратней, Тимофей, – Буров показал глазами на фигуру солдата, истуканом стоявшего чуть поодаль. Сняв варежку, служивый с любопытством ощупывал шербающую поверхность каменной стены. Вероятно, он недавно несет здесь службу. Еще не привык. Внимание охранника привлекли слюдяные прожилки, которые блестящими змейками разбежались по граниту. Кроме того, кругом было великое множество вкраплений белого кварца.

– Посторонись! – надсадно кричат справа. Мимо проплывает на плечах крепежников длинное ровное бревно. Лаву временно крепили шахтовым способом – вертикальными столбами-подпорками.

Какой исполинский груз, какая тяжесть невероятная нависла над головой. Вверху была огромная сопка с деревьями, кустарником и травой под снегом. А здесь один только камень. И каторжный труд. Лучшие умы России притуплялись здесь за очень короткое время. Умы, вынашивающие грандиозные планы преобразования, созидания новой, доселе неведомой людям сказочно-счастливой жизни, тускнели от одного только однообразия дикого камня и тяжелых физических страданий.

– Посторонись! – раздавались неестественно громко в пустоте тоннельного чрева осипшие окрики крепежников, выбранных для такого ответственного дела из числа самых крепких мужчин. А навстречу, скрипя несмазанными колесиками, ползли и ползли нескончаемые тачки с каменной породой.

... – А ты смелен, Тимофей, – заметил вечером перед отбоем Буров. – Только, полагаю, ошибаешься глубоко насчет того, что железная дорога лишь одному государю необходима.

– Какой есть, – усмехнулся Брагин и добавил: – Из-за того, наверное, и паримся вместе в этом каменном котле. А смелости теперь не надо. Из-за нее и погибель. Хочешь век спокойно прожить, будь смирен, а не смелен. Так вот... Чего-то я раскудахтадся? Еще подумаешь, Иван, что вот польстил мне, я и захвастал своей философией, горбом выношенной...

– И не думал я льстить тебе, Тимофей. Я правду сказал, что не следует лишний раз попусту подвергать себя ненужным последствиям. Неприятностей и так хватает.

– Неприятность самая большая уже в том и есть, что мы с тобой, Иван, здесь, в Сибири, гноимся. А что правды касается, ее, брат, лучше при себе в мешке держать. И мешок тот не развязывать.

– О том же и я, – заметно оживился Буров. – Не развязывать без нужды...

Наступила пауза. Казарма погружалась в сон. Большинство ее обитателей, утомившись, начинали храповецкую на разные лады. Кто-то даже подстанывал во сне.

– А что, Тимофей, не поведаешь, за какие провинности в неволю-то угодил?

– Так думаю, про то гутарить не тот час. Поздно уже.

– И то верно, – согласился Буров, улыбаясь вдруг сам себе в темноте.

* * *

Прокаленный стужей январь близился к концу. И Покровский, и Магеллан уже знали, что им не придется встретиться на стыковке. Инженера Магеллана с прежнего участка переставили на десятую версту вести монтаж железнодородной колеи на подступах к тоннелю. Участок работ чрезвычайно сложный по рельефу местности. Страшная кривая в полную петлю на три версты. К тому же поджимали сроки, пересмотренные Государственной Думой. Теперь здесь был необходим руководитель менее всего либеральный. Изо всех к таковым на дистанции пути относился именно Иосиф Магеллан.

Борис Васильевич Зеест считал, что настоящий период потребует и больших, чем планировалось, затрат. В рабочей силе недостатка не было. Людские резервы черпались за счет все новых партий арестантов, прибывающих с Усть-Кары и Раздольного. По весне, с началом судоходства, по Шилке начнут прибывать переселенцы с запада...

...Начальник охраны по участку ротмистр Муравьев очень резко, на повышенных тонах, отчитал хорунжего Микеладзе, пригрозив домашним арестом за халатное отношение к служебным обязанностям. Это в лучшем случае. В худшем ротмистр обещал написать рапорт в Нерчинское управление.

– Да я вас! – кричал Муравьев, размахивая перед опухшей физиономией хорунжего шерстяной перчаткой. – Немедленно! С конно-разъездным конвоем! В Раздольное!!

Обложив напоследок все и вся страшными матерными словами, ротмистр ускакал на тоннель, чтобы лично проверить охранную службу горе-командира.

Микеладзе, чрезвычайно разобиженный на «муравья», вернулся в казачье зимовье. Стукнув доской, достал откуда-то припрятанную недопитую бутылку.

– Ваш благородь! – в узкую дверь зимовья протиснулся здоровенный казак в лохматой папахе.

– Ппо-шел вон! – оскалился хорунжий, не успев закусить крепкий спирт горстью квашеной капусты из миски на столе. – Без дозволения не входить!! – звонкий с акцентом голос рвался из зимовья.

Казачки, столпившись на улице, недоуменно развели руками. Пойми, мол, этих благородь-командиров. Один только что распекал за худую службу, веля за арестантами ехать, на ночь глядя. Другой, укрывшись в зимовье, пьет вмертвую. Сейчас опять нарежется, хоть выжимай, а их, бесхозных, закинут снова в караул на тоннель. Дюже не любят казачки этот замороженный громадный коридор, вырубленный в сопке. Сильно пугали гранитные черные своды. Так и чудится, что рухнет, как отойдешь от входа вглубь. Боязно далеко заходить. Уж больно там не по себе становилось. Попадая под своды, некоторые казачки снимали папахи и крестились.

– Ваш благородь?! – нараспев повторял тучный бородатый казак, наклоняясь ухом к двери и слегка постукивая кулачищем в доску.

– Кому сказано? Вон!! – грозно раздалось изнутри. – Зарублю! – люто орал хорунжий.

– Подчиненные переглянулись. Вести дальнейшие переговоры бесполезно. Муравьев вообще куда-то сгинул на своем горячем Воронке. Гражданским начальникам хорунжий не подчинен. Да и нет здесь сейчас никого, кроме старшего десятника. Инженеры Покровский и Магеллан уехали в контору дистанции.

– Делать неча, пошли ребята, – казаки гурьбой направились к бревенчатой конюшне. Распахнули широкие тесовые ворота. Вынув из холщового мешка скребки и щетки, принялись чистить лошадей.

8

На зеленом сукне стола разложены большие бумажные листы, испещренные цветными линиями технической схемы строительства магистрали.

– Надобно понимать, господа, что Амурский участок считается связующим звеном всего Транссиба. И все ошибки, допущенные нами теперь, простительны быть не могут, – говорил инженер Магеллан.

– Это верно, опыт достаточен, – поддержал коллегу Покровский, но его перебил инженер Германовский: – Прошу прощения, но позвольте полюбопытствовать, вы сами-то изволите строить с самого начала? С девяносто первого?

– Не понял вас? – Покровский смотрел на Германовского.

– В смысле, строили весь Транссиб?

– Нет. Именно лишь Амурская железная дорога. Но здесь имеются более опытные кадры, – Алексей почтительно кивнул на Магеллана.

– А, собственно, о чем речь? – Иосиф Магеллан вопросительно поглядел на Германовского.

– Да, нет, господа хорошие, – Германовский скрестил руки перед собой, – вы не так поняли, я не желал бы умолять чьи-либо заслуги и подсчитывать долгие месяцы, проведенные в Сибири на строительстве. Я о том, что надо предлагать конкретные пути разрешения проблем, в равной степени стоящих перед нами.

– Позвольте, господа инженеры, наконец, перейти к предметному разговору, – вмешался в дискуссию Зеест. – Германовский и прав отчасти и не совсем, да ладно, – Борис Васильевич махнул остывшей трубкой. – Да, существует, действительно, большая проблема, связанная с вечной мерзлотой. Вспомните весну прошлого года. Трещины в новых постройках, приведшие к тому, что спустя время, развалились фундаменты новых объектов.

Инженеры молчали. Им известно многое о вечной мерзлоте. Ее коварные свойства подробно описаны в отчетах Обручева, производившего в Забайкалье первые изыскания будущей трассы. О своенравном характере сибирской вечной мерзлоты читались лекции с кафедр Института путей сообщения. Если бы Покровскому и его коллегам довелось вновь попасть на те лекции, непременно бы попросили профессора Гукермана подробнее обратить внимание слушателей на свойства сибирских зимних наледей – этом природном явлении, чрезвычайно опасном для такого вида строительных работ, как прокладка железнодорожной магистрали.

Наледи. Огромными белыми грибами из льда-монолита выростали они из-под ближних отсыпок, порою, прямо у полотна. Увеличиваясь и оплывая, затягивали шпалы и рельсы на отрезках пути до тридцати и более саженей. Рядом с песчано-глинистой насыпью кипели ключи. Стоял плотный туман, который рассеивался лишь к полудню.

«Не хочет сдаваться человеку вечная мерзлота. Льет крокодиловы слезы», – шутил как-то Северянин по этому поводу.

– Прошу понять, что железная дорога строится с учетом введения в эксплуатацию сразу. Целиком и полностью. Неожиданности исключаются. Мы их обязаны просто вычеркнуть из допустимой вероятности. Поезда должны пойти не позднее указанного Петербургом срока. И поэтому все, что предписано циркулярами министерства, мы обязаны исполнить в срок. Это, что называется, говоря казенным языком, господа, – Зеест внимательно смотрел на инженеров. – Самое же сложное в теперешнем положении – не подвести наших коллег на соседних железных дорогах. Мы-то отчасти в выигрышном положении, поскольку имеем какой-то опыт, как справедливо заметил молодой инженер Покровский Алексей Петрович, накопленный нашими предшественниками при строительстве той же Забайкальской железной дороги. Ответственность же наша возрастает оттого, насколько скоро и качественно сдадим свой отрезок.

зок Транссиба, позволяющий открыть в России сквозное движение от столицы до самой окраины, от Петербурга до Владивостока...

Зеест закончил говорить. Сидел, склонив голову, постукивал тихонько холодной трубкой о краешек стола. Положив ладонь на топографическую карту, Борис Васильевич молчал. Подняв лицо, глянул на присутствующих: – Прошу высказать свои мнения, господа.

– Расчеты, разумеется, точные, – первым начал Магеллан. – В сроки уложимся. В людях тоже достаток есть, за что хвала вербовщикам и полицейскому департаменту. Но вопрос заключается в другом. В качестве исполненных работ. Каждое смонтированное звено, каждую сажень полотна надо отлаживать досконально, доводя, таким образом, каждую версту магистрали до полной кондиции. Трудно сие? Не то слово. Нужен жесткий контроль. Жесткий.

Глядя на Магеллана, Зеест продолжил: – Истинно, иного совета трудно и дать, однако, вернемся к вечной мерзлоте.

Инженеры выступали по очереди. Одним из вариантов стала идея отвода подземных ключей от полотна дороги. Возможно, это смогло бы уберечь насыпь от наступающих предательских наледей. Кроме того, было предложено оборудовать подземные отапливаемые галереи при сооружении тех же водоводов, чтобы их не рвало при сильных морозах.

– Здесь уже прозвучало о том, что нам есть чему поучиться, опираясь на накопленный нашими коллегами опыт, – подвел черту Зеест. – Трудность и неизвестность в том, как сей опыт приживется у нас? Так? Так, конечно! Разве инженер может быть личностью не творческой? Смею вас заверить, нет. А потому давайте мыслить в делах своих, хотя и сугубо технических, творчески. В начале сегодняшнего разговора я не случайно заметил о том, что именно мы замыкаем цепь в стальной магистрали, протянувшейся через всю Россию. Так что надобно постараться. И нам здесь, как говорится, все карты в руки. Возможно, повторюсь, но напомним, что строить надо так, чтобы после не перестраивать. Такого же принципа строго придерживались и на предыдущих дорогах Сибири.

Техсовет окончен. Зимний день короток. Быстро пробегает по пасмурному небосклону тусклое солнце. На глазах сгущаются фиолетовые сумерки.

Покровский возвращался с Митрофаном к себе в лагерь. Домой, как он все чаще думал.

...Алексей просунул руку к кармашку кителя под тулупом. Там лежал свернутый надвое конверт с письмом. Чернильные буквы совсем поистерлись. Алексей выучил это последнее письмо наизусть. Новых весточек не было. То ли почта задерживалась, то ли в Петербурге какие проблемы?

«Здравствуй, дорогой Алешенька! Спешу отправить очередное свое послание. И если сложить вместе все письма, что ушли к тебе, получится некая круглая цифра. Угадай, какая? Я тешу себя единственной мыслью, что всему на свете предположен предел. Будет он и нашей разлуке. Но, по-прежнему, все остается в полнейшей неопределенности, как, собственно, неопределенны и твои планы на будущее. На этот счет ты равным образом ничего не сообщаяешь. Причины тому? Полагаю, кроются они в неведении того, чем займетесь вы с товарищами по службе после завершения своей миссии в Сибири. Беспредельно скучаю. Знаешь, Алеша, с некоторых пор я стала даже забывать черты твоего лица и если бы не чудо века – фото... По дому у нас все обыкновенно. Только папенька немножко прихварывает. Ты же знаешь. Его давнишние военные походы. Павлушка совсем вырос. В июле собирается держать испытания в кадетский корпус. По всем учебным дисциплинам у него показательно. Избран путь военного, хочет продолжить семейную династию. Маменька была отчасти против. Она и теперь не совсем спокойна, но упрямство Павлуши... Тем паче, что папенька – обеими руками за военную карьеру. Да, Алеша, чуть не пропустила сказать. И, пожалуй, очень важное. По возвращении твоём из Сибири имеется возможность получить направление на линию С.–Петербург – Петергоф. Папенька может обещать по части протекции. А в городских кругах прошел слух, что строительство дороги в Сибири будет ускорено. Об этом писали в газетах.

В частности, в „Санкт-Петербургском вестнике“ напечатали постановление Государственной Думы. Все это дает веские основания надеяться на приближение срока твоего возвращения. К сему Ирина. С-Петербург. 5 января сего года».

* * *

Ночью инженеры проснулись от шума в поселке. Заливались лаем собаки. Кто-то громко кричал, кто-то ругался страшными словами. Прозвучали даже два или три выстрела. В эту ночь Покровский с Магелланом ночевали на разъезде в восемнадцати верстах восточнее железнодорожной станции Могоча. На разъезде располагалась перевалочная база. Необходимые материалы для строительства дороги поступали с речной пристани Часовинки, где на Шилке разгружались прибывавшие с грузами баржи. Судходный сезон длился с первых чисел мая до конца октября. От Часовинки до разъезда недавно протянули узкоколейку. Сначала груженные платформы доставлялись конной тягой. Позже появился первый паровоз.

...Предыдущий день выдался напряженным и утомительным. После изнурительной дороги на продуваемой всеми ветрами дрезине, а после в крытом возке, запряженном двумя лошадьми, пришлось еще решать многие вопросы в Могоче и здесь, на разъезде.

Несколько свежесрубленных и обшитых еще смолистыми досками станционных домиков у высокой железнодорожной насыпи. Деревянная платформа. Длинные серые бревенчатые пакгаузы. Все это располагалось на некотором возвышении. А чуть пониже притулились старые лачуги старателей. По направлению к сопкам, среди которых выделялась своим острым верхом одна, похожая на маяк, расстилалась обширная марь, занесенная снегом. За нею – скованная льдом река Амазар, русло которой в изгибе тесно прижималось к крутым склонам сопочной гряды. Названия у разъезда, а он находился на главном ходу магистрали, пока не было...

Оба инженера так и не смогли, как следует, отдохнуть из-за шума пьяных старателей. Покровский и Магеллан увидели их на следующий день. Худые и костлявые мужики в латаных шароварах, заправленных в ичиги или валенки, потертых ватных телогрейках или суконных серых, не по зимнему сезону, куртках брели в сторону питейной лавки китайца Ю-сун-фы. Она находилась в тесной зимовейке, в которой с трудом помещалось человек семь-восемь. Но, как считали сами старатели – бродяжные души – в тесноте да не в обиде.

Вглядевшись в их морщинистые землистые лица, можно увидеть в глазах потаенную тоску. Руки, потерявшие былую мускульную силу за период летнего сезона, висят плетьюми. Некогда крепкие спины стали сутулы и надорваны. Ноги изуродованы хроническим ревматизмом. Никто из них точно не знал, хватит ли его до весны, до начала очередного полевого сезона? Безликой цепочкой двигались они к китайцу, чье питейное заведение обосновалось недавно на пока безымянном железнодорожном разъезде. Кто и зачем затеял ночью пьяный дебош, никто из них и не вспоминал в данный момент. Да и зачем это? Обошлось без поножовщины – и то хорошо. Головы трещат с похмелья. Мысль у всех сейчас одна: нальет или нет китаец в долг?

– Что? И эти вот доходяги оружие имеют? – спрашивали поутру инженеры у местных служащих на базе.

– А вы слышали?

– Разумеется, слышали, – ответил Магеллан. – Хоть и крепко спали, но пробудились.

– У них стрелять-то разве что из совковой лопаты, – усмехались служащие. – Может, и имеется ружьишко, одно на всю артель. Нет, это один из местных зверобоев. Вон он, на отшибе живет. По волкам смолит. Поводились серые шастать по задворкам. А у зверобоя-то в стайке и тепляке живность растится.

– Какая же?

– Да корову прошлым летом привел из Могочи. Кур развел. Вот и не спится теперь по ночам ни ему, ни бабе. Баба-то как услышит ночью сквозь сон вой волчий, так сразу бац

мужику кулаком под ребро. Иди, мол, спасай хозяйство, иначе от буренки рожки да ножки останутся. Вот и лишился бедняга ночного покоя, – беззлобно смеялись за глаза над охотником земляки-соседи.

– Хоть одного-то волчару зацепил? – спросил Магеллан.

– Кажись, утром на снегу кровь была...

...Напившись у гостеприимных хозяев горячего чаю, инженеры решили пройтись по свежему, выпавшему ночью снежку.

– Такой вот образ жизни, – заметил Магеллан о старателях. – Выйдут с прииска, половину золота обменяют на деньги, половину заначат в кубышку на черный день. Часть средств на содержание семьи, если таковая имеется, часть на пропой. Что-то украдет у пьяных мужиков китаец или его сподручные. Худая молва об этом кабаке идет. Именно по пьяной части ловятся старатели да охотники-промысловики. Хотя последние – более благоразумней поступают, выбравшись из тайги. Обычно собираются своим кругом где-нибудь погулеванить. В последнее время охотники артелями вокруг Размахнина, скупщика пушнины. Слышали об этом человеке, Алексей Петрович?

– Доводилось.

– А этих, вероятно, устраивает такой образ жизни, – продолжал неспешно рассуждать Магеллан о старателях.

– Такая, видимо, работа, – ответил Покровский.

– Нервная, хотите сказать? Однако, не нервной нашей, ежели судить по большому счету.

– Согласен, но разница есть, – возразил Покровский. – Может, громко будет сказано, но у нас с вами более высокая миссия. Поручено такое дело и в столь, если хотите, очевидный момент истории.

– Какой-какой момент? – Магеллан замедлил шаг, хотя и так инженеры шагали медленно.

С неба вновь закружились большие снежинки, оседая на тропинку вдоль белой железнодорожной насыпи, на кусты, на постройки разъезда и заборы.

Покровский не ответил. Помолчав, Магеллан как бы, между прочим, добавил: – Они, друг мой, золотом российский запас питают. Наше вот с вами строительство финансируют.

– Да... Россия-матушка сильна, но не проснулась ото сна.

– Стихами говорить изволите? – подметил Магеллан с удивлением.

– А все достаточно просто. Вы гляньте, скажем, на Японию.

– Допустим...

– И сравните нашу армию с заграничной. Много золота, говорите, а где оно?

– Я так не сказал, – возразил Магеллан.

– Возможно, мне не совсем понятна старательская система производства, но не выгоднее и целесообразней было бы узаконить добычу столь ценного металла? Разумеется, эти бедолаги подались в старатели, чтобы прокормиться. Наверное, у многих и дети растут...

Магеллан остановился и поднял палец:

– Чтоб только прокормиться, не обязательно непременно становиться старателем. Взять наше строительство. Гарантированный заработок, верно?

– Но что-то определенно не устраивает их, согласитесь. К тому же строительство – это временный период, хотя и есть перспектива в будущем остаться здесь многим из сегодняшних землекопов, лесорубов. Я уж не говорю о рабочих-железнодорожниках. Кому-то же придется обслуживать дорогу?

Магеллан пожал плечами. Инженеры молча смотрели на путевых рабочих, которые располагались на обед у костра. Дружно застучали оловянные ложки о миски с варевом. От котла на костре поднимался густой пар. Тянуло горелым смолем. Пламя жадно поедало сухие сосновые ветки.

– Нет, старательское дело прибыльное и, главное, свободное. Свободное и доходное, если с умом заниматься, – произнес после паузы Магеллан.

– А ежели?

– Если ежели, то, как эти вот. Несколько дней купаешься в спирте, а после ремень брючный дырками изводишь, извините, чтобы последние портки не потерять. Эх, да! Свобода личности. Личности свобода. Сам себе работник, сам и управляющий. Привольно, друг мой!

– Одно удивительно. Сезон давно закончился, откуда у приисковских деньги на гулянку?

– Кто их знает? Может, кубышку чью вскрыли, не стерпели до черного дня? Хотя, оно, так гудеть у китайца – каждый день черным покажется... Пойдемте, что ли, погреемся? – предложил озябший Магеллан. – Кажется, рабочие уже отобедали. Не помешаем.

– Вот золотари-то разумеют, что жизнь их лучше остальных, может быть, преимущественней. Вот в чем оказия. Н-да... Напрасно, однако, разумеют. Месяц шика и от тугих карманов ни шиша, извините. В этом деле фарт нужен. У кого его нет, дрянь дело, – приговаривал Магеллан, хлопая руку об руку перчаткой, на которых налип снег.

У костра оставался дежурный путеец. Он налил инженерам по кружке горячего густого настоя чаги.

– Кому нужна такая жизнь? Дело, разумеется, понятное. Дают казне золото. Но много ли его приходится на эту казну? Сколько оседает в лавках да кабаках? Кто подсчитывал? Сколько навсегда остается схороненным в тайных кубышках в тайге?

Алексей молча слушал Магеллана. Тот старше по возрасту. И дольше находился в Забайкалье. И, вероятно, лучше знает здешнюю жизнь. На задворках России.

– А что, ушли твои тунгусы, Алексей Петрович? – спросил вдруг Магеллан, поставив пустую кружку на подтаявший у костра снег.

– Ушли.

– Куда?

– Домой. В тайгу. Оленями нас здорово выручили. Помогли завезти груз с перевалочной базы. А до этого поддерживали мясом. Провиант-то совсем никудашний. У людей болят зубы, десны ноют. За услугу дали мы им порох и картечь. В Нерчинске специально закупили. Борис Васильевич выделил немного денег.

– Порох этим тунгусам первейший товар.

– Таптагирыканы они, – поправил Покровский.

– Кто?

– Племя здесь есть такое. Род таптагирыканов. С Олекмы. Не встречались?

– Нет. На моем участке тунгусы из тайги не выходили. Хотя слышать слышал, что туземцы где-то близко иногда показываются.

Разобрав после обеденного перекура инструмент, рабочие разошлись по насыпи. Послышались глухие удары путейских молотков о костыли.

– Здесь со временем станция будет? – спросил Магеллан.

– Да. Пока разъезд, но после непременно вырастет до станции. И место удачное. Не случайно отсюда и проложили узкоколейную нитку до Часовинской пристани. Двадцать с лишним верст.

Вынув часы, Магеллан прищелкнул языком:

– Скоро и дрезина подкатит, пойдемте к платформе.

– Минутку, – Покровский перекинул с ладони на ладонь широкую прямоугольную доску, что лежала в сложенном неподалеку штабеле. Нагнувшись, вынул из прогорающего костра стальной прут, острый конец которого раскалился до лиловой синевы. Магеллан хотел еще раньше спросить, зачем товарищ железку в угли воткнул?

Пристроив доску перед собой на снегу, Алексей принялся медленно выжигать название новой станции. Оторвавшись от задымившей доски, Алексей воткнул горячий прут в снег. Зашипело.

– Тап-ту-га-ры. Таптугары, – громко прочитал Магеллан, приняв доску в свои руки. – В честь их? – кивнул он в сторону севера.

Покровский словно не услышал. Повернув лицо, пристально стал вглядываться в белые, оплывшие морозным утренним туманом сопки...

9

На реке теснились тяжелые забереги. Ветер смел снег со льда, и тот тускло блестел, усеянный маленькими пупырышками. С обрыва когтятся черные корни наклонившихся над руслом лиственниц. По берегу тянется густой тальник. Заросли раздвинулись, и показалась темная фигура. Человек замер, оглядываясь вокруг. На корточках скатился на лед. Отряхнулся от снега. Затем долго шел вдоль берега.

На крутой возвышенности, словно сторожевой заставой, высился дом. За воротами высокого забора взорвались лаем псы, гремя коваными цепями. Человек с минуту постоял перед воротами, топчя снег, затем резко постучал чем-то металлическим в тесовую плаху. На высоком крыльце в полузамерзшем оконце веранды мелькнуло на секунду-две чье-то лицо и исчезло. Собаки смолкли. Человека впустили внутрь.

В горнице жарко. Пахнет свежей квашней. Человек медленно стал расстегивать верхнюю одежду, сырую от таявшего снега.

– А хозяина нет, – доложил чернявый парень незнакомцу. Тот перестал раздеваться. О чем-то задумался. Наверное, о том, что без хозяина едва ли впустили бы незнакомое человека в дом Емельяна Никифоровича Размахнина. Человек стоял, держа полушубок.

– Как же так, что нет? – хрипло проговорил он. Крючковатый нос дрогнул. – Емельян Никифорович завсегда в такую пору находится дома. Ждет заготовителей.

– Говорю же, в отъезде он, – повторил чернявый. Незванный гость, сжимая шапку в руке, скосил глаза в сторону, словно прислушиваясь к чему-то.

– Да вы раздевайтесь, не зазря же сюда столько верст киселя хлебали. Издалека, поди? Отдохнете, перекусите, а там, глядишь, и хозяин подоспеет. Обещал вернуться еще третьего дня. А если заготовители приедут, мы-то на что? – пожалел старика Алексашка.

– Кто это мы? – спросил пришлый.

– Приказчики. Вот я, например. Мне хозяин на сто процентов доверяет. У вас-то какое к нему дело? – парень взял из рук старика полушубок, шапку. – Да и зараз разувайтесь, у нас пол теплый.

– Браво у вас, – согласился незнакомец. Он присел на краешек лавки.

– Стало быть, ты вместо Емельяна Никифоровича?

– Стало быть, так, – гордо ответил парень, просунув ладони рук за тонкий наборный ремешок, перехлестнувший рубаху. – Вы тут посидите, – он вышел из горенки. Вскоре вернулся. Принес хлеба, сала, вареной картошки и большую кружку чая с сахаром.

...Пришелец пробыл в доме Размахнина часа полтора. Закусив, попросил разрешения посидеть у печки, отогреться. Курить отказался, сказав, что некурящий. Затем принялся одеваться. Алексашка то уходил из горницы, то возвращался. В очередной раз застал гостя уже застегнутым на все пуговицы.

– Что? Собрались? Так ничего и не передали хозяину?

– После. Раз сам отсутствует, так и передавать пока нечего. Благодарствую за хлеб-соль, – старик поглядел на Алексашку из-под кустистых бровей. – Проводи. Собаки тут у вас, глядеть страшно.

– Ага, – согласно кивнул Алексашка, набрасывая на плечи козью дошку.

Гость ушел. Проводив до ворот, Алексашка вернулся. Не снимая дошки, мигом очутился в спальне Размахнина, что на другой половине дома.

– И ничего не сказал? – все еще шепотом переспросил Емельян Никифорович и поморщился, распрямляясь на кровати. – Кости затекли все к черту. Полежи-ка без движения. Как бы не скрипнуть, думаю. – Размахнин приподнялся с постели, выглядывая в окошко. Черная фигурка пришельца постепенно уменьшалась на снежном спуске к реке.

– Да вы и так все слышали, Емельян Никифырыч, – Алексашка тоже поглядел в окно. – Странный какой-то этот пришлый.

– Не пришлый, а ушлый, – поправил Размахнин.

– Чего говорите?!

– А ты слушай внимательно, Алексашка. Чего знаю, о том и гутарю, как хохлы говорят. – Размахнин продолжал смотреть в окно. Фигурка нежданного гостя уже скрылась. – В следующий раз собак на него спущу. Тут такая фиговина выходит: или я его, или он... нас всех... Понял, Алексашка? Я не сказки сказываю, а реалии говорю...

Размахнин тяжело вздохнул, прошел в горницу, сел у стола.

– Шкалик неси.

Через минуту Алексашка поставил на стол квадратный шкалик темного стекла, тарелку с закуской.

– Стакан забыл.

Парень принес и стакан.

– Не мельтеши, сядь, – выпив, Размахнин долго жевал кусочек холодной жареной зайчатины.

– Я ведь давеча полагал, что, пока чаюет, о чем-нибудь да обмолвится, – вслух рассуждал Размахнин, обращаясь к парню.

– Емельян Никифырыч, а чего он должен был сказать-то? – сгораемый от любопытства Алексашка глядел широко открытыми глазами на хозяина.

– Да уж, – махнул тот рукой, наливая из шкалика. – Все, унеси! – указал на выпивку.

Все? – удивился тот.

– Все!! – отрезал Размахнин и зашарил по карманам, ища кисет с табаком. – Займись делом! Скоро обоз подойдет. Приготовь бочонок. Тот, что намедни начат. Как бы китаец Ю-сун-фа нас не опередил. Мало ему золотарей приискательских, так он еще за охотников взялся. Ну, я его еще образумлю, – Размахнин сердито тряхнул головой с всклокоченными волосами. Какая-то потаенная тревога овладела Емельяном Никифоровичем.

«И Кешки нет. Скоро темнеть начнет. Верно, обоз подойдет завтра. Заночуют промысловики в зимовье у переката. Кешка, поди, с ними остался. Встретиться с охотниками он должен на Медвежьем ключе. Там и лабазы срублены. Только бы на реке в пустолед не угодил, есть там шибко опасные места. Однако, про это Кешка наслышан. Не должен ворону поймать...»

Размахнин вымеривал горницу маленькими шагами. «Все к одному. Тут этот молодой запропастился с обозом, а здесь того старого черта принесло некстати», – чертыхался он про себя.

Заранее отосланный навстречу обозникам Кешка должен предупредить на Медвежьем ключе охотников о том, что вот-вот подойдет провиант. А затем, встретив и обоз, завернуть его сюда, на усадьбу Размахнина. Таким образом, Емельян Никифорович убивал сразу двух зайцев. Можно рассчитаться, как и обещал, с промысловиками провиантом, заполучив обозников на пару дней. Чего доброго, обоз могли перехватить на строительстве «железки». Говорят, у них там с харчами туго. Тогда совсем в нехорошем свете предстанет перед охотничьей артелью Размахнин, обещавший и провиант, и боеприпасы. А не будет обоза, нечем расплачиваться за мех. Старых запасов не осталось. Только спирт пока есть...

Нужна большая торговля в нынешний сезон. Вынашивал Размахнин один сокровенный план. И все бы ничего, да появился проклятый старик и посеял серьезные опасения...

* * *

...Емельке едва исполнилось двенадцать лет, когда подоспела пора самостоятельно зарабатывать на пропитание. Мальчишка пас лошадей у богатого бурята-скотовода в южном улусе Забайкалья. Рядом у границы с Монголией. В семнадцать лет слюбился с дочерью хозяина.

Она была постарше года на два. Отец девушки жестоко посчитался с дерзким пастухом, почти застукав молодых в самый неподходящий для постороннего глаза момент. Парня крепко отстегали кнутом. Еле доплелся Емелька до первого казачьего села. Нашлись сердобольные люди. Приняли. Определили в работники. Долго не было охоты заглядывать на девок. Задумал поднакопить денег и завести хозяйство. По ночам часто снились светлый дом, лошади, теснящиеся на привязи в загоне. Не жалел себя Емелька. Брался у новых хозяев за любую работу. Весь почернел. Небольшого был росточка, но жилистый. Не давал себя в обиду никому.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.